

Гоар Маркосян-Каспер

MAINSTREAM

COLLECTION

Встреча
в метро

Гоар Маркосян-Каспер

Встреча в метро

«Автор»

2026

Маркосян-Каспер Г. К.

Встреча в метро / Г. К. Маркосян-Каспер — «Автор», 2026

Книга «Встреча в метро» включает в себя роман «Париж был так прекрасен», номинированный на Букеровскую премию, и двенадцать новелл. Отношения художника и его натурщицы развиваются на фоне парижской жизни. Но Париж не фон, он – участник событий. Именно ему в романе угрожает опасность. Удар наносится по ландшафту европейской культуры: музеям, памятникам, соборам. И это, как полагает Гоар Маркосян-Каспер, гораздо опаснее. Если Парижа не будет – во имя чего тогда жить?

© Маркосян-Каспер Г. К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Париж был так прекрасен...	5
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Гоар Маркосян-Каспер

Встреча в метро

Париж был так прекрасен...

Ночь выдалась душная, душная и темная, за низкими тучами не было видно ни луны, ни звезд, и фонари горели тускло, к тому же не все, через два, если не через три, то ли из экономии, то ли кто-то большинство их разбил, не кто-то один, конечно, и не сразу, а постепенно, они не зажигались давно, а чинить их никто, естественно, не думал.

Дора быстро шагала по совершенно пустой улочке, стараясь держаться поближе к стенам домов, ей было страшно, обычно она старалась не задерживаться в городе допоздна, но сегодня ей повезло, ее пригласил на ужин китаец, с которым она познакомилась в парке, где по вечерам показывали на большом экране бесплатное кино, в отличие от многих ее знакомых, она только на такое и ходила, пригласил просто так, ничего от нее не добиваясь, наверно, богатый, как они все, с удовлетворенными потребностями, как выражалась Надин, ее соседка по комнате, чуть ли не окончившая Сорбонну, и единственное, чего ему хотелось, поболтать на евро, видно, учил его там у себя, в Китае, а ее выбрал, потому что молоденькая, старшее поколение ведь новым общим языком не владеет, его только полтора десятка лет назад стали преподавать в школах, детям, считалось, что пусть старики бормочут себе по-своему, куда торопиться, вся Европа заговорит на общем языке где-нибудь через полвека, ну и ладно... Придумано было ловко, молодежи нравилось, что у нее как бы свой собственный язык, которого люди постарше не понимают, потому все зубрили его охотно, тем более, что ничего другого так уж активно вбивать себе в голову не приходилось, и к тому же он был легкий, никакого тебе дурацкого правописания и нелепого произношения, как в старых языках... конечно, все не совсем так, на евролингве говорили и те, кто постарше, ее отец, например, уже счастливое избавление от засилья английского, достигнутое континентальной Европой не без труда, побуждало их напрягать силы и память... Китаец повел ее в «Кафе де ля Пэ», заказал обед из трех блюд и даже десерт, изумительное пирожное, огромное, с тарелку, видно, у него денег куры не клюют... до чего же глупая поговорка, с чего бы, спрашивается, курам клевать хоть чьи-то деньги, птицам до звонкой монеты дела нет, птицам, зверям, ни курице, ни орлу, ни барану, ни тигру деньги не нужны, это атрибут только человека, то, что отличает его от животных и не в лучшую сторону... Стал накрапывать дождь, она почти бежала, никогда улица не казалась ей столь длинной, она таковой и не была, но теперь у Доры возникло ощущение, что у нее нет конца... и даже середины... Две темные фигуры отделились от стены так внезапно, что она едва на них не налетела, еле успела остановиться, но что толку, они перегородили ей дорогу, а повернуться и побежать назад она не успевала.

– У меня ничего нет, – пролепетала она, протягивая им потрепанную сумочку из дешевой синтетики.

– В сумочке, может, и нет, но под этим... – один из них оттянул край выреза ее трикотажной блузки и хрипло рассмеялся.

Арабы! Дора похолодела. Закричать? Безнадежно, хотя, казалось, до итальянцев, где светло илюдно, открыты кафе и ночные клубы, рукой подать, но ее не услышат, и если даже услышат, кому она нужна, безнадежно, и все-таки она закричала, и удивительно, почти сразу кто-то возник за ее спиной, шел за ней или свернул из ближнего переулочка, возник и сказал громко, хотя и вроде как-то лениво:

– А ну валите отсюда, ребята!

Один из арабов сунул руку в карман, наверно, за ножом, теперь ведь у всех ножи, но второй вскрикнул испуганно:

– У него пистолет!

И тут же оба отступили и растворились в темноте. Дора обернулась. Пистолета больше не было, если он и вовсе не привиделся ее обидчикам, а ее спаситель стоял, заложив руки в карманы, невысокий, всего на полголовы выше нее, плечи довольно широкие, волосы вроде темные, большего в уличном полумраке не разглядишь.

– Как тебя зовут?

По голосу Дора поняла, что он улыбается.

– Медора, – ответила она неуверенно. – А тебя?

– Хотелось бы сказать Конрад, но увы... Всего лишь Ив. – Голос звучал совсем весело.

– Почему Конрад? – спросила она.

– Господи! Ты в школе училась?

– Да, – отозвалась Дора обиженно. – В привилегированной.

– Вот как? И какими привилегиями вы пользовались, правом не знать Байрона?

Дора промолчала, и он сменил тему.

– Будет лучше, если я провожу тебя до дому. Ты где живешь?

– Там, – мотнула Дора головой. – Через здание.

– В приюте?

– Угу.

Она испугалась, что он начнет иронизировать, привилегированная школа и приют, курам на смех... опять куры, почему, может, потому, что и она не умнее курицы... испугалась, но он промолчал, только слегка подтолкнул, пойдем, мол, и ее ужаснула уже другая мысль, что если доведет до дверей и распрощается, и все, и правильно, на что ему дура, которая даже Байрона не читала...

Они молча дошли до узкой стеклянной двери, приют «Эльдер» был когда-то дешевой гостиницей, одной из тех, которые государство выкупило у владельцев, чтобы разместить хоть толику бездомных, которыми буквально кишел Париж, и не только он, Франция, Европа. Тем более, что в дешевых гостиницах ныне особой нужды не было, обнищавшие жители Европы давно отказались от ближних и дальних путешествий, а те, кто побогаче, вкупе с китайцами, державшими в руках почти все мировое производство и соответственно доходы от него, предпочитали отели классом повыше. Дора постучала, ей открыл, высокопарно выражаясь, портье, на деле такой же обитатель приюта, как и она, получавший за труды мизерную плату, сущие гроши, какие полагались и ей за то, что утром она готовила и сервировала завтрак, не одна, вместе с тремя другими девушками, кухарками или официантками, все едино, главное, что это была как бы работа.

– Тут есть где посидеть, поговорить? – спросил Ив, когда дверь открылась.

– Есть, – заторопилась она. – Холл, здесь внизу. Маленький зальчик, который она назвала холлом, по утрам служил столовой, где подавали скромный завтрак, в обед там можно было поесть бесплатного супу, перекусить тогда или позднее на свой лад, тем, кто не ленился приготовить себе что-либо еще, разрешалось пользоваться кухней... таких было немного, люди в приюте жили одинокие, возиться ради себя лично неохота, если б еще семья, дети... существовали, впрочем, и семейные приюты, один всего в сотне метров, по другую сторону той же улицы, но Дора слышала, что семейные люди выдерживают редко и недолго, большинство оставшихся без собственного крова и работы рано или поздно отдавали малышей в детские приюты, где их бесплатно кормили, одевали и даже учили... Помимо прочего зальчик выполнял и функции комнаты отдыха, на свободной стене висел большой телевизор, и в дополнение к пластиковым столам и стульям, месту кормежки, стояли кресла и диванчики с довольно удобными поролоновыми сидениями, обтянутыми немаркой клеенкой. Можно было здесь и принять гостя,

наверху, в комнатах, где жили по четверо, а то и шестеро чужих друг другу людей, не до личной жизни, по крайней мере, не до душевных бесед. Наконец, тут было светло, по крайней мере, относительно, она коснулась панельки выключателя у двери, и тусклые галогеновые лампы загорелись, дав ей возможность разглядеть получше своего спасителя. Волосы у него оказались каштановыми или темно-русыми, точнее не разобрать, глаза голубыми, правильные черты лица, крепкая грудь, обтянутая белой майкой с изображением смеющихся дельфинов и красной надписью SOS, реклама очередной кампании экологов. Еще на нем были потрепанные голубые джинсы, такие же, как на ней самой. Ив тоже ее рассматривал, что увидел, неизвестно, но спросил:

– Сколько тебе лет? Восемнадцать?

– Двадцать один!

– Так много? – Ив улыбнулся. – Сядем?

Он первым прошел почему-то не к дивану или креслу, а к столу, отодвинул стул и сел, стульев было только два, и Дора устроилась напротив, положив сумочку на стол. Ив хозяйским жестом взял ее, открыл, вынул кошелек и выложил его содержимое на стол.

– Восемьдесят евро. Пара бутербродов, стакан бурды, именуемой кофе, из автомата и противозачаточные таблетки.

– Мне не нужны таблетки, – вспыхнула Дора. – Я не сплю с кем попало!

– В таком случае тебе не стоит разгуливать одной в темноте.

– Я не разгуливаю. Меня пригласили на ужин.

– Не кто попало? – спросил Ив насмешливо.

– Это другой случай! Просто...

Она запнулась и умолкла, какого черта, спрашивается, она должна отчитываться перед незнакомцем, пусть даже избавившим ее от крупных неприятностей. Впрочем, Ив отчета не требовал, он положил деньги обратно в кошелек, кошелек в сумочку, аккуратно застегнул ту на пуговку и отодвинул.

– У меня наверху есть еще немного, – сказала Дора почему-то. – И послезавтра я получу пособие. К тому же тут бесплатный завтрак и суп. А еще я подрабатываю в здешней столовой.

– Понятно. И как ты угодила после привилегированной школы в приют? Сбежала из дому?

– Нет.

Глаза Доры наполнились слезами.

– Что-то случилось с родителями?

Она взглянула на него с подозрением, ей почудилась в его голосе насмешка, но нет, он смотрел с участием, и ее прорвало, она выложила свою историю, спотыкаясь и путаясь, но почти ничего не пропустив, рассказала, как в последний год учебы всякий раз, когда приезжала домой, видела родителей мрачными и озабоченными, все более мрачными и озабоченными, но ей они ничего не говорили, и только перед самым выпускным балом в школу приехали из полиции, и она узнала, что родители покончили с собой, вместе, приняли какое-то снотворное.

– Оказалось, что папа потерял работу год назад, он был старшим специалистом в фирме, выпускавшей детали для электронных устройств, и вдруг ее закрыли, производство перевели в какую-то африканскую страну, где все делают дешево...

– И плохо.

– Кого это волнует! Главное ведь, чтобы дешево... Ну а здешних работников просто уволили. Всех. И он больше ничего не нашел. А мама была на пособии давным-давно. Они постепенно продали все ценное... Мебель... Машину, чтобы внести плату за мой последний год в школе... Квартира была не собственная, платить за аренду они больше не могли, оставалось идти в приют и жить на пособие. Они не захотели. Они оставили мне письмо. Что им очень

стыдно, но у них больше ничего нет, и мне придется самой прокладывать дорогу в жизни... А как? Если б еще в этой школе учили чему-нибудь полезному...

– А чему там учили? – полюбопытствовал Ив.

– Да ничему!

– Совсем ничему?

– Почти. Читать и писать...

– От руки?

– И от руки тоже.

– Уже дело. Это теперь редкое умение.

– И какой от него прок? – спросила Дора.

– В данной ситуации, может, и никакого. Но ведь все может измениться. Вдруг вся электроника выйдет из строя?

– Ну да! – Дора скептически хмыкнула, Ив тоже улыбнулся.

– Ладно, это побоку. А еще?

– Еще?

– Чему учили?

– Тому, что и везде. Евростандарт. Такая игра в учебу. Будто ты сам не знаешь.

– Представь себе, не знаю. Стандарты меняются слишком быстро. Что-то, конечно, примерно представляю, например, арифметику: показывают мультики с мушкетерами, которые все убивают и убивают гвардейцев кардинала и хвастают, кто больше людей уложил, я – три, ты – семь, он – девять, умножаем, вычитаем, делим, авось, и что-то при этом запомним.

Дора засмеялась.

– Ну может, не столь просто, но... Историю, например, дают в виде реконструкций, Жан-простак на машине времени отправляется в прошлое и смотрит, что там... Понимаешь, беда ведь не в этом, в конце концов, никто читать учебники не запрещает, и библиотека есть, не только электронные книги, но и бумажные, только вот, хочешь – учи, не хочешь – не учи, никто ничего не скажет...

– А свидетельство об окончании выпишут, как миленькие.

– Конечно. Правда, есть особые классы, туда берут способных. Если берут, то заставляют подписать бумажку, что ты согласен с их условиями. То есть ты обязан выполнять все задания и вести себя тихо, а то могут выставить с урока, а если не учишь, что задают, то из особого класса исключат и пошлют обратно в обычный. Не знаю, зачем это.

– Ну как? – усмехнулся Ив. – Государству ведь нужны управленцы и специалисты, не то оно развалится. Вот их и готовят из способных и прилежных, больше, к несчастью, из прилежных, чем из способных, последние ведь могут быть и задиристыми, а возиться с такими неохота. В любом случае, несколько процентов поколения идут в дело, а остальные – на пособие.

– Мне как-то предлагали перейти в такой класс. Гуманитарный. Но я отказалась. Зря, наверно.

– Зря. А почему?

– Не знаю. Девочки отговорили. Свободы меньше. И баллы ставят всякие. Так-то никаких баллов нет, и все вроде равны, а там больше-меньше, и сразу как будто кто-то лучше, а кто-то хуже.

– Но ведь так и есть.

– Наверно. Но когда тебе тринадцать, выделяться не хочется.

– Это верно, – кивнул Ив. – Ну а что за привилегии такие? Твои родители ведь за них платили.

Дора вздохнула.

– Главное, что территория огорожена, и ее охраняют. Вооруженные люди. Которые не позволят, например, чтобы внутрь ворвались какие-нибудь террористы или просто спятившие ученики с автоматами и всех перестреляли или взяли в заложники. Или заявились наркودилеры со своим товаром и стали предлагать его прямо в классах, говорят, в обычных школах это запросто. И вообще туда не пускают посторонних.

– Например, педиков, которые приходят в школы, выбирают мальчиков по красивее и завлекают в свои клубы.

– Ну этого, конечно, вслух не говорят! – Дора даже испугалась, вдруг услышит портье, донесет, иди потом плати штраф. – Просто посторонних. И, кстати, эта школа стопроцентно светская, верующих туда не берут.

– Мусульман то бишь.

– Почему именно мусульман?

– А потому что ныне никто иной в бога не верит... Словом, нашли благопристойный выход. Хотя странно, что и такое разрешают, а как же права верующих?

– Так для них ведь тоже особые школы есть.

– Да. Ну что ж, мне все ясно. – Ив вдруг ударил ладонью по столу, словно что-то припечатал, и встал. – Ладно, на сем завершим. Спать пора.

Дора подняла на него испуганный взгляд.

– А о себе ты не расскажешь?

– В следующий раз. Какой у твоей комнаты номер?

– Двадцать восемь. У меня и видеофон есть.

– Видеофоны горят, как свечи. Дешевый, небось? Адрес надежнее. Но, если хочешь, можешь и фон дать.

Они были уже у двери, когда Ив вдруг спросил:

– А кто ты по национальности?

– Евро, – ответила Дора удивленно.

– Это гражданство, а не национальность. Я имею в виду... Французская кровь в тебе есть?

– Есть. У меня мама была француженка. То есть наполовину. Дед был француз, а бабушка – немка. А с папиной стороны нет, там все с востока. В смысле, из Восточной Европы.

– Понятно. Ладно, я пошел. Спокойной ночи.

Когда Дора осторожно отперла дверь своего двадцать восьмого номера, внутри было темно и тихо, соседки по комнате, которых она про себя называла сокамерницами, спали. Она сняла туфли, чтобы не стучать каблуками, прошла босиком к своей кровати, разделась, нащупав ближайший стул, бросила на него одежду и проскользнула в ванную. Ванны, собственно, там не было, только крохотная душевая кабинка, облицованная простеньким белым кафелем, кабинка, раковина, унитаз, несколько полочек и маленькое зеркало, перед которым она остановилась и стала себя разглядывать. Золотисто-каштановые волосы, прихваченные на затылке резинкой, длинные, она не стриглась, чтобы избежать лишних расходов, пышный пучок лежал у нее между лопатками, зеленовато-карие глаза, пухлые губы, правильный овал лица, нежная шея... дальше видно не было, но она знала, что и прочее у нее вполне на уровне, почему бы... интересно, сколько ему лет, не меньше тридцати, может, тридцать два, а то и тридцать пять... Где он живет, чем занимается, судя по одежде, не богаче нее, хотя хорошо одеваться теперь не принято, дурной тон... да и опасно, говорят, на тех, кто чересчур разряжен, нападают, обрызгивают краской из пульверизатора или даже разрезают вещи ножом...

Кое-как сполоснувшись под душем, выдававшим крошечные порции воды с интервалами чуть ли не в минуту, Дора вытерлась стареньким полотенцем и забралась в постель, но заснуть не могла. В почти непроглядной, уличных фонарей поблизости не было, темноте тихо посапывали соседки, хорошо еще никто не храпел, случилось и такое, девушка, подававшая вместе

с ней завтрак, жаловалась, что в одной комнате с ней живет женщина с больными бронхами, которая храпит или хрипит и не дает остальным спать, это была вовсе не редкость, особенно у людей постарше. У них в комнате жили женщины молодые, впрочем, у соседства с ними был другой недостаток, они водили к себе мужчин, конечно, их тоже можно понять, но спать под аккомпанемент стонов и придыханий вовсе не сахар, тем более в такой тесноте. Она мысленно обвела взором помещение, в гостиничные времена это, скорее всего, был номер на двоих, максимум на троих, теперь здесь стояли четыре узкие кровати, при каждой тумбочка, а в середине еще впили круглый стол со стульями... кровать, тумбочка и жесткий стул, вот и все ее имущество... то есть не ее, а то, которым она имела право распоряжаться за плату, которую ежемесячно вносила, примерно половину пособия... да, еще отсек во встроенном шкафу в коридоре с одеждой и обувью, вот они в самом деле принадлежали ей, одежда, обувь, украшения – бижутерия, разумеется, да дешевая электроника, видеофон и карманный компьютер, сделанные в каком-нибудь Занзибаре, китайскую или индийскую на пособие не купишь, даже если добавить к нему деньги, выслуженные в столовой... счастье еще, что пособие никто не отнимал или хотя бы урезал, несколько десятилетий назад, говорят, его получали только безработные... Конечно, времена изменились к лучшему, лет двадцать назад бездомные жили буквально на улице, спали на скамейках в парках и тому подобное, она немало наслушалась о тех ужасах, сейчас существовали хотя бы приюты, правда, тогда бездомных было меньше, один из десяти, теперь же почти половина... все равно! Страшно подумать, что с ней стало бы, если б ее беда обрушилась на нее в ситуации, бытовавшей двадцать лет назад, куда она подалась бы из дому, который перестал быть домом, снова встала перед глазами пустая квартира... полупустая, кровать еще не вынесли, кто-то ее даже застелил, та самая, где умерли мама и папа, выпили снотворное и легли в постель, их только через четыре дня нашли, и то потому, что они оставили дверь полуоткрытой, нарочно, боялись, наверно, что иначе никто до ее приезда о них не вспомнит, и, конечно, не вспомнили бы, некому, родных никаких, теперь, когда уже в нескольких поколениях заводят по одному ребенку, мало у кого есть родные... будь соседи не столь давние, могли и они не обратить внимания, открыто так открыто, ну и что, и тогда... Только представить себе такое хуже смерти... Входишь в квартиру, а там... хотя что-то, наверно, она стала бы подозревать, звонила бы перед приездом, никто не отвечал бы... почему, почему она была такой размазней, много лет она перезванивалась с мамой каждый день, а в последние год-два много реже, стеснялась, девочки в школе поднимали ее на смех, шестнадцать лет, семнадцать, а все цепляешься за мамин подол, все вокруг были страшно самостоятельные, и ей всякий раз, когда приходилось отвечать на звонок, становилось неловко, а уж сама она старалась за видеофон вовсе не браться, и вот... Мебели оставалось мало, ценную родители продали сами, остальное должно было пойти в уплату за долги, ей разрешили только взять личные вещи, те же одежду, обувь и плюшевого медвежонка, который уже больше десяти лет восседал на ее кровати днем и в кресле у письменного стола ночью, он и теперь днем сидел на кровати, но по ночам печально глядел с неудобной тумбочки. Он и книжки, от отца осталось несколько десятков бумажных книг, которые не интересовали даже кредиторов, было все, что осталось от прежней жизни, от маминых эклеров и меренг, она постоянно пекла всякую вкуснятину, от прогулок с папой, крепко державшим ее маленькую ладошку, по белому песку парка Тюильри, от семейных походов на балет, мама обожала балет, и хоть раз в год отец раскошеливался на безумно дорогие билеты в пале Гарнье... Был еще Лазурный берег, Ницца, куда они ездили отдыхать трижды, а может, и четырежды, последний раз пять лет назад, до того, как отец потерял работу, жили, конечно, не в самом центре, слишком дорого, однако же близко к морю, вечерами непременно прохаживались по Английской набережной, а днем купались и загорали на неудобном галечном пляже, на который она всегда жаловалась, теперь-то за каждую гальку отдала бы день жизни, только бы ступить туда еще хоть на минуточку, но кому они, ее дни, нужны, наверняка больше ей бирюзовую гладь залива Ангелов

увидеть не суждено... Захотелось заплакать, она сжала губы и стала себя подбадривать, ей еще повезло, и со школой тоже, что бы она делала, если бы не директриса, которая помогла ей оформить пособие и получить место в приюте, и не каком-нибудь окраинном, в арабском или африканском пригороде, а в самом центре, учись она в интернет-школе или обычной, где детей в несколько раз больше и вряд ли можно хотя бы попасться директору на глаза... Правда, в интернет-школе она оказаться никак не могла, отец возражал против подобного рода обучения категорически, там, мол, никакого образования не получишь... Можно подумать, в реальной школе станешь мудрецом!.. Что она умела – обращаться с компьютером? Да, теперь все повторяют, как попугаи, зачем, мол, забивать голову ненужными вещами, когда достаточно войти в интернет, там все есть, вот им и не забивали, правда, никто не мешал забивать ее самому, будь на то желание, но чего ради, если можно делать только то, что нравится. Ей нравилось читать, она одолела немало романов Бальзака и Мопассана и даже не в дайджестах, как другие, а целиком... потом она прочла и все книги, оставшиеся от отца, и романы, и стихи, даже пьесы, из принципа... вот только Байрона в папиной библиотеке не было, и пожалуйста!.. но что толку от чтения?.. Да, директриса помогла ей устроиться в приют, но не на работу, впрочем, она и не могла, найти подходящее место для вчерашней школьницы не сумел бы никто, в немногих еще уцелевших фирмах нуждались в людях с совсем другой квалификацией, заводов и фабрик в Париже, Франции да и всей Европе практически не осталось, единственная возможность – пойти в продавщицы или официантки, кассиров в магазины уже почти не брали, их заменила электроника, но ходить по торговым залам в униформе или разносить блюда готово было такое множество людей!.. ей крупно повезло, что удалось зацепиться за должность подавальщицы в своем приюте, все благодаря ее приветливости и ровному характеру, большинство обитателей приюта было издерганное и нервное, угождать таким же, как они сами, неспособное... правда, платили гроши, жалких полторы тысячи евро, поистине на бутерброды и противозачаточные таблетки... но таблетки ей и вправду нужны не были, то ли холодность, то ли брезгливость, но что-то мешало ей спать, как все вокруг, с каждым встречным. Конечно, ни о каком принце на белом коне она не мечтала, да и девственность потеряла еще в школе, где старшеклассники, поощряемые преподавателем эротики, буквально гонялись за девочками чуть помоложе, особенно хорошенькими, к которым ее причисляли, затаскивали их в чуланы, в кусты, публичный секс в школе все-таки не поощрялся, вокруг ведь бегали совсем малыши... затаскивали и ничем при этом не гнушались, методы применяли не самые честные, ей, например, подсунули во время воскресной дискотеки таблетку в стакане апельсинового сока, сильные наркотики были в школе под запретом, но на всякую мелочь смотрели сквозь пальцы, подумаешь важность, какая-то девчонка потеряла над собой контроль и позволила парочке самоуверенных юнцов увести себя в пустой компьютерный кабинет. И уводить снова и снова, на дискотеках правили бал парни из выпускных классов, сбежать от которых было попросту невозможно. А в женских спальнях командовали лесбиянки, уйти от их навязчивого внимания было почти подвигом, как это ей удалось, она сама не понимала...

Так что после школы она была только рада, что к ней не приставали, то есть приставали, конечно, порой так настойчиво, что проще было уступить, чем изыскать предлог для отказа... можно подумать, тут нужен предлог, какого черта, не хочу, и все, а у нее не получалось, поднимали на смех, долбили всякую ерунду вроде «аппетит приходит во время еды», но постепенно она все-таки научилась говорить «нет», и уже целый год жила себе спокойно и... И? Бездумно. Ну и правильно. Что толку задумываться, вот представишь себе, что так пройдет вся жизнь, и кинешься в Сену или с Эйфелевой башни, последнее, впрочем, не всякому по карману, на башню пускают по билетам, а те безумно дорогие... Конечно, когда трата – последняя в жизни, о сбережениях печься нет смысла, и однако большинство предпочитало Сену, ночью, чтобы не выловили, рассказывали, что по утрам из реки достают сотни трупов, но это, наверно, преувеличение... Веселенькие, однако, мысли приходят в голову! Чтобы отвлечься, она стала думать

о новом знакомом, интересно, чем он занимается, где живет, действительно ли носит пистолет, пьет или колется, нет, непохоже, но какая-то девушка у него наверняка есть, а жаль... За этими размышлениями она и заснула.

Утро было ясное, совершенно безоблачное, какие в Париже даже летом случаются не часто, теплое, но не жаркое. Бульвар Османа был полон народу, начался месяц скидок в Больших магазинах, и толпы людей, спешивших избавиться от с трудом или без отложенных денег, текли по тротуарам непрерывным потоком. Дора не особенно рвалась делать покупки, боясь потратить из только вчера полученного пособия больше, чем могла себе позволить, но когда Эмма, соседка по комнате, стала по очереди уговаривать девушек составить ей компанию, все-таки согласилась, подумав, что вдруг повезет, удастся купить какую-то недорогую обновку, и когда объявится Ив... если объявится... Обычно от Эммы она старалась держаться подальше, хотя как будто у них было немало общего, возраст, положение, но многое их и отличало, и, в первую очередь, то, что вызывало у Доры зависть, смешанную с удивлением, Эмма имела мать, еще не старую, вполне здоровую, обитавшую в отдельной маленькой квартирке, не богатую, но более или менее обеспеченную, и Эмма вполне могла жить с ней, но не жила, более того, встречалась с матерью редко и неохотно, а на вопрос, почему сразу после школы ушла из дому, отвечала, что выбрала свободу. Под свободой она понимала, кажется, почти ежедневную смену партнеров, часть из которых неизбежно появлялась в приюте, то были особи мужского пола разного пошиба, в основном не слишком высокого, к чему ей все это, Дора не очень хорошо понимала, особых радостей неуклюжее барахтанье в постели Эмме вроде не доставляло, судя по всему, в этом отношении она недалеко ушла от самой Доры, кажется, она просто считала подобный образ жизни естественным, нельзя же без любви, сказала она как-то соседкам, полагая, видимо, что ее похождения и есть любовь. Неудивительно, что она могла знать о любви, откуда, книг она отроду не читала, смотрела кино, а там любовь такая и есть, некрасивые актеры и актрисы, с каменными лицами пыхтящие, как чайники, то в одной, то в другой постели, вот и Эмма ночью пыхтела, вечера проводила в кинотеатрах, просматривая нашумевшие фильмы, в которых свои представления о любви и черпала, или на дискотеках, где выискивала уже этой якобы любви объекты, а днем валялась на кровати с компьютером, предаваясь безудержному интернет-общению, друзей во плоти у нее, кажется, не водилось, как, впрочем, и у большинства современных людей. Как и у самой Доры, в школе у нее было несколько подружек, но позднее она все отношения с ними прервала, из гордости, они ведь жили совсем другой жизнью, в нормальных домах, с родителями, иначе быть не могло, кто же оплачивал их учебу, раскатывали на собственных автомобилях, пили кофе в уличных кафе, к которым она и близко не подходила, на пособие по подобным заведениям не погуляешь, а позволить платить за себя богатым приятельницам она не хотела... Знакомиться же в интернете, прикидываясь не тем, кто ты есть, играть роль или даже разные роли, как поступали многие, жившие виртуальной жизнью, совсем не похожей на реальную... нет, это было не в ее вкусе, она не любила врать... и потому была совсем-совсем одна.

Поход оказался успешным, она купила две блузочки, пестрые, одна в зеленых тонах, другая в желтооранжевых, Эмма так набрала целую охапку вещичек, штук шесть или семь, откуда у нее деньги, Дора не знала, вряд ли она брала их у своих приятелей, скорее, сэкономила на еде, ее ведь через день кто-нибудь приглашал на ужин.

Когда они со своими пакетами, Эмма – большим, Дора – маленьким, дошли до Оперы, их удивило необычное для этого места оживление, вокруг была масса народу, многие огибали здание, торопясь на площадь, со стороны которой доносился неясный шум.

– Что там такое? – пробормотала Дора, а Эмма предложила:

– Сделаем кружок через итальянцев?

Выбравшись на площадь Оперы, они оказались в гуще людей, выходивших из метро и останавливавшихся, чтобы разобраться в происходящем, большинство стояло лицом к Авеню де л'Опера, по которой в сторону Риволи тек людской поток, не только заполнивший тротуары, но и захлестывавший проезжую часть, самые нетерпеливые, выбравшись из вязкой толпы, бежали по мостовой, не разбирая дороги, в воздухе висели крики, гул голосов, гудки застрявших в этом половодье автомобилей.

– Что случилось? – спросила Дора одного, другого, и кто-то наконец ответил:

– Взорвали Лувр!

– Кто?!

– Наверно, исламисты, кто еще!

– Пойдем туда? – повернулась Дора к Эмме, но та посмотрела на свой объемистый пакет и покачала головой.

– Мне надо занести это домой.

– Возьми и мой, – попросила Дора.

– Давай.

Перебравшись на Авеню де л'Опера, Дора попала в негустую, но чрезвычайно текучую людскую массу, ей приходилось все время лавировать среди быстро шагавших мужчин, она сразу заметила, что толпа состоит большей частью из мужчин, при том главным образом белых, удивилась было, но потом поняла, все потому, что они ничем не заняты, почти полное исчезновение физического труда оставило без дела тех, кого когда-то называли простым народом, в сфере услуг и на государственной службе приоритет имели женщины и всяческие меньшинства, само собой, чернокожие, желтокожие, люди с ограниченными возможностями и так далее и тому подобное, закон о дискриминации вбирал в себя все новые категории притесняемых. Вот и... Шли отнюдь не молча, помимо возмущенных возгласов и ругательств, ее слуха достигали откровения, от которых она нервно вздрагивала.

– ... пора с этим кончать!

– ... скажи, с этими!

– ... вышвырнуть всех вон!

– ... всю их родню сажать или высылать!

И на не совсем ту тему:

– ... он мне говорит, выкладывай пятьсот евро штрафа, а я ему: слушай, приятель, если я назову негра африканцем, он от этого побелеет?

– ... повесили, штаны спустили, а в задницу банан засунули – угадайте с трех попыток, кто это?

Ответом на последнее был короткий, но громкий хохот.

И еще:

– Жаль, ей-богу, что войны нет, как бы я в автомат вцепился! А лучше – в пулемет...

– Что война? Там такие же будут, как ты, бедолаги. Нет, с автоматом хорошо к политиканам наведаться.

– А еще лучше в Брюсселе пострелять. В этих их евроструктурах.

И опять.

– ... после смерти жены он запил, любил ее очень, сразу прицепились, забрали дочь и передали на воспитание парочке лесби, когда он узнал, достал где-то револьвер, пошел, застрелил обеих, а потом дочь и себя... в любом случае, ребенка не вернули бы...

– Да, торговцы детьми это сила, у них все схвачено, в нашем доме живет одна из их шпионок, стоит где-нибудь детскому плачу послышаться, тут же звонит, и какая-нибудь подлюга из ювенальной юстиции тут как тут, на днях женщины на нее напали, избили, исцарапали, даже в полицию не пожаловалась, больно выгодный у нее бизнес, можно и порку стерпеть...

– ... вообразите себе, эта сволочь Гайяр сказал в интервью, что арабов, которые насилуют женщин в переулках, тоже можно понять, до своих баб им, видишь ли, не добраться, у них мораль, а ведь у молодых ребят потребности...

Говорили не двое, не трое, многие, разные люди, обрывки подобных высказываний достигали ушей Доры со всех сторон, она сжалась, думая, как это все страшно, сколько в человеке злости, между тем, толпа становилась все гуще, у Комеди Франсез она совсем увязла, впрочем, все-таки ее вместе со всеми остальными куда-то несло, она с ужасом ждала, когда откроется вид на Лувр и она увидит дымящиеся развалины, и когда ее вынесло на Риволи и оказалось, что Лувр цел, по крайней мере, с этой стороны, она испытала несказанное облегчение, собственно, так трястись, наверно, и не следовало, весь Лувр сразу взорвать не могли, на это понадобилась бы атомная бомба.

Риволи была забита людьми, транспорт, наверно, пустили в объезд, ни одного автобуса, а тем более машин, видно не было, толпа захватила и проезжую часть и, медленно двигаясь направо вдоль стены Лувра, огибала ближе к крылу и, смешавшись с другой толпой, двигавшейся навстречу с той стороны Риволи, вливалась во двор Наполеона... Дора удивилась, что нигде нет полицейских, которые пытались бы эту людскую массу повернуть вспять или хотя бы задержать, но, оказавшись в виду арки Карузель, поняла, что преграду толпе создали там, двор был оцеплен и полон людей в форме, и, посмотрев туда, где таких собралось больше всего, она, похолодев, наконец увидела то, что представляла по дороге, ближняя часть крыла... Денон, кажется, так?.. и дальняя, прилегавшая к Старому Лувру, были целы, но середина превратилась в груды руин, у них уже гудели какие-то машины с кранами, суетились люди, разбирали обломки, под которыми наверняка были тоже люди. Люди и?.. Она не могла сообразить, что за залы расположены в том месте, хотя в школьные годы их несколько раз водили в Лувр, но он слишком велик и полон всего, так что запомнить, где что висит, мог только завсегдатай...

Каким-то образом ей удалось пробраться к самому оцеплению, она оказалась невдалеке от памятника Людовику, поднявшись на цыпочки, попыталась разглядеть, что, не зная сама, и вдруг увидела Ива. Он стоял внутри оцепления в десятке метров от нее и разговаривал с парой хмурых мужчин в штатском, на нем были те же старые джинсы, что и в прошлый раз, однако вместо майки синяя трикотажная рубашка с короткими рукавами, она пожалела, что не успела надеть новую блузку, но тем не менее крикнула:

– Ив!

И он обернулся. Не только обернулся, но оставил своих собеседников и подошел к ней.

– Медора! Что ты здесь делаешь?

Она растерялась и пролепетала:

– Что и все.

Ив хмыкнул. Она попробовала объяснить:

– Я хотела увидеть...

– Ну и? Увидела?

Она безмолвно кивнула.

– Собираешься тут остаться?

Она замотала головой.

– Тогда пойдем.

Он огляделся, Дора думала, что он прикажет ее пропустить, но ничего подобного он не сделал, а сказал:

– На Риволи не протолкнешься. Проще выйти к Сене. Иди в ту сторону.

И сам зашагал вдоль оцепления туда же. Дора пробралась сквозь толпу, у ворот, где оцепление кончалось, они встретились и вышли на набережную. По мосту Карузель тоже шли люди, но не столь плотно, и Ив предложил:

– Как насчет того, чтобы перейти на Левый берег? Можем заглянуть ко мне, угощу чашкой кофе.

Дора кивнула и несмело спросила:

– Ты работаешь в полиции?

– Упаси боже! Просто один из инспекторов, которые занимаются этим делом, мой сосед и приятель.

– Но ты знаешь, что случилось?

– Этот подонок подошел, не очень близко, конечно, бросил в окно маленькую гранату, специальную, там бронированные стекла, просто так их не пробьешь. Прodelал дыру, потом подскочил и кинул внутрь бомбу.

– И кто это был?

Ив пожал плечами.

– Когда приехала полиция, от него оставалось только кровавое месиво. Тут же масса народу, набросились сразу.

Дора поежилась.

– Не одобряешь самосуда? – спросил Ив иронично. – Я тоже не одобряю. В принципе. Но смертной казни ведь нет. А эта сволочь бросила свою пакость в зал итальянской скульптуры. Где, между прочим, Микеланджело. О живых людях не говорю, там было несколько десятков человек. Как минимум.

Дора промолчала. Она представила себе, как добрая сотня крепких мужчин, таких, какие шли, догоняя и обгоняя ее, по авеню де л'Опера, накидывается на некое человеческое существо, бьет в ярости чем попало, бьет до тех пор, пока от него не останется... как он сказал?... кровавое месиво... да, но что осталось от тех несчастных туристов, которые прилетели, приехали, пришли полюбоваться картинами и статуями?..

Между тем они миновали мост и оказались на левом берегу, Дора знала его плохо, провела всю свою совсем еще недолгую жизнь на правом и в здешних улочках-переулках ориентировалась слабо, собственно, никто от нее этого не требовал, надо было просто идти рядом с уверенно шагавшим Ивом, ей это нравилось, так давно она не встречала человека, с которым чувствовала себя покойно и надежно. Добираться было недалеко, несколько сот метров и три-четыре поворота, и они остановились у старого четырехэтажного дома.

– Я живу в мансарде, – сказал Ив, открывая дверь подъезда. – Лифта нет. Дойдешь?

– Как-нибудь, – засмеялась Дора.

На третьем этаже Ив кивнул в сторону одной из дверей.

– Тут живет мой друг инспектор. По воскресеньям мы с ним играем в шахматы, если, конечно, он не ловит очередного психа, он в антитеррористическом отделе... Ну вот, пришли.

Он отпер дверь и пропустил Дору в маленькую прихожую.

– Вперед! Направо ванная, налево спальня, а напротив студия, она же гостиная, столовая и кухня.

– Студия?

– Да. Я – скульптор.

Дора открыла рот и снова закрыла, за три дня, миновавших с вечера их состоявшегося при чрезвычайных, можно, наверно, так сказать, обстоятельствах знакомства она перебрала в уме множество профессий, гадая, чем может заниматься ее спаситель, но такое ей в голову не пришло. Переступив порог большой комнаты напротив, она сразу увидела несколько скульптур и побежала к ним. Они были не очень велики, в половину человеческого роста, и похожи на современные и не похожи, скорее не похожи, ибо это были вовсе не всякие бесформенные куски камня с непонятными выступами и впадинами, нет, это были фигуры людей с настоящими лицами и телами, но чем-то они отличались от классической скульптуры, наверно, чуть большими, чем естественные, вытянутостью и изгибами или некоторой нарочитостью поз, к

примеру, тут была женщина, стоявшая на носках, чуть наклонившись вперед, словно вот-вот улетит, именно так, поскольку из такого положения можно только взлететь... Большого она подумать не умела, совсем в таких вещах не разбиралась, могла полагаться только на инстинкт.

– Нравится? – спросил Ив.

– Ужасно!

– Ужасно?

– Ужасно нравится! – Она осторожно провела пальцем по отполированной белой поверхности. – Это мрамор?

– Ну что ты! Мрамор стоит баснословных денег. Это специальный пластик. При сорока-сорока пяти градусах он становится мягким, как глина, из него можно лепить, а когда работа закончена, статую ставят в термостат, при нуле пластик твердеет, буквально превращаясь в камень. Конечно, такое изваяние ценится не так высоко, как мраморное...

Но их покупают? – хотела спросить Дора, однако постеснялась, подумала, что, наверно, да, раз есть чем платить за квартиру, пусть в мансарде, но совсем не маленькую... или не совсем маленькую?.. Сложно сказать, смотря с чем сравнивать, в новых постройках ведь квартиры крошечные, но это дом старый... Она огляделась, здесь было светло, много окон, комната в два раза больше, чем их номер в приюте, в дальней половине довольно высокие подставки со скульптурами, слева от двери стояли диван, кресло и журнальный столик, справа была устроена кухонька – плита, мойка, холодильник, шкафчики, маленький стол со стульями, все честь по чести, что ее удивило, так это чистота, стол и рабочая поверхность блестели, в раковине ни одной грязной тарелки, на плите ни брызг, ни пятен...

Ив, кажется, заметил ее удивление.

– Я немного педант, – сказал он, словно извиняясь. – Не люблю беспорядка. Давай слегка перекусим. Я сделаю кофе, а ты загляни в холодильник. Есть сыр, салями, масло. Хлеб в том шкафчике.

Он коснулся лежавшего на столе пульта, и в простенке между двумя окнами на противоположной стене засветился экран.

– Посмотрим, что нам скажут по поводу недавних событий.

Они пили кофе – Доре казалось, что такого вкусного она никогда не пробовала, ели бутерброды, как ни странно, то, что показывали все новостные каналы, как теле-, так и интернетовские, не отбило у нее аппетита, пили, ели и смотрели то, что показывали, в основном, прямые репортажи с места, где они недавно были, с рассказами очевидцев, интервью с сотрудниками музея, перечислявшими экспонаты, находившиеся в разрушенных залах, люди менялись, а на главной картинке все разбирали и разбирали завалы и извлекали трупы незадачливых любителей искусства. Мелькнули и носилки, прикрытые простыней или чем-то вроде, останки террориста, а вскоре появилась и бегущая строка, ответственность за взрыв взяла на себя какая-то «исламская армия борцов за нравственность», и Ив стукнул кулаком по столу, расплескав кофе.

– Нечто в этом роде я и предполагал, – буркнул он. – Извини.

Он встал, принес кусок бумажного полотенца и вытер стол, и тут на экране появился человек, при виде которого его лицо исказилось так, что Дора испугалась, ей показалось, что Ив сейчас запустит в монитор кофейником или еще чем-нибудь потяжелее. Впрочем, ничего такого он не сделал, только процедил сквозь зубы:

– Подонок тут как тут.

– Кто это? – спросила Дора.

– Гайяр.

– А кто он?

– А ты послушай.

Она послушала. Человек на экране многословно рассуждал о том, что и мусульман надо понять, их религия не приемлет обнаженной натуры, что мы, европейцы, не хотим считаться с тем, что почти половина населения Европы – магометане, что хотим жить, как сто лет назад, что...

Она оторвалась от экрана и воззрилась на Иву с недоумением.

– Что это значит? Он оправдывает это?... это?.. – Она вдруг вспомнила один из обрывков, достигших ее слуха по дороге к Лувру. – Я недавно слышала... не по телеку, а от людей... он говорил, что арабы, которые насилуют женщин... что они... их тоже надо понять, да?

– Гайяр из политиков нового поколения, – сказал Ив с горечью. – Они готовят себе почву... Через десять-двенадцать лет большинство избирателей в Европе будет мусульманами. Но большинство не абсолютное... пока... чтобы менять законы, им понадобятся союзники – на первое время. Такие, как Гайяр, рассчитывают сохранить свое положение на службе новым властителям Европы. Пусть до тех пор, пока мусульманское большинство не станет абсолютным и не выкинет всю эту пятую колонну на свалку. Впрочем, Гайяр и его компания к тому времени, скорее всего, содохнут, а до прочих им дела нет.

– То есть они – предатели?! – выпалила Дора.

Ив посмотрел на нее с интересом.

– Гляди-ка, ты еще способна на нормальные реакции! Несмотря на воспитание в школе и прочую пропаганду... Беда в том, что они не считают себя предателями, они убеждают себя и других, что оценивают ситуацию объективно, они все борются и борются за права меньшинств... что ж, возможно, когда мы, европейцы, станем в Европе меньшинством, кто-то вспомнит и о наших правах.

Он поднялся и стал убирать со стола.

– Дай я помою посуду, – предложила Дора.

– Не надо. Мало тебе приютской столовой?

– Там есть посудомойка. Машина, я имею в виду.

– Все равно. Отдыхай.

Она не стала возражать, осталась сидеть за столом, механически глядя на экран и пытаясь угадать, что теперь будет, не на экране, а здесь, между ними, как ей себя вести, если он... ну, допустим, обнимет ее... Ее равным образом пугало и то, что он попробует это сделать, и то, что нет, а просто выпроводит ее, пусть даже отведет в приют... язык не поворачивался назвать его домом... к тому же не отведет, ведь бела дня ее ведь никто не тронет... Между тем происходящее на экране привлекло ее внимание, и она спросила:

– Что такое Лоджия Ланци?

Ив стремительно обернулся.

– Как?

– Кто-то бросил гранату в Лоджия Ланци. Где это?

Ив закрыл воду.

– Я был прав, – сказал он тихо, словно не ей, а себе. – Конечно, теперь там только копии. Но это дела не меняет. Началась атака на европейскую культуру. Я был прав.

– Тут еще строка, – сообщила Дора. – Мэрия Флоренции приняла на экстренном заседании решение запретить мусульманам въезд в город.

– Не поможет, – вздохнул Ив. – Только поднимет, как они любят выражаться, бурю негодования в Европе... А толку от запрета будет мало. Допустим, перекроют въезд через аэропорт, вокзалы, даже автодороги, допустим... Но что стоит просто войти в город. Пешочком... Ты не знаешь, что такое Лоджия Ланци?

Дора покачала головой.

– Бедная девочка! Сейчас.

Ив вышел из комнаты и через пару минут вернулся с большой толстой книгой, альбом, в школьной библиотеке было несколько таких, но на руки их давали только по специальному разрешению и выносить из помещения не позволяли, редкость.

Ив положил альбом на стол, открыл, перелистал и, найдя нужную страницу, придвинул книгу к Доре.

Она некоторое время рассматривала иллюстрацию, потом подняла удивленный взгляд на Ива.

– Это прямо на улице?

– На площади. В том-то и дело. В галереях, музеях можно поставить детекторы, металло- и прочие искатели, заменить обычные стекла на бронированные... хотя сегодня и они не спасли... Однако как уберечь незащищенные творения гениев, которые стоят, как ты заметила, прямо на улице... Сделать копии, да. Но как быть с осознанием того, что столетиями на улице стояли бесценные подлинники, и никто их не трогал, даже завоеватели, а теперь нам приходится все отступать и отступать перед современными варварами?

Он сжал кулаки, и Дора несмело заметила:

– У тебя такой вид, будто ты готов их убивать.

Ив усмехнулся.

– А я и готов.

– Убить человека?

– Для меня существо, способное уничтожать произведения искусства, не человек.

– Ох, Ив...

Он посмотрел на ее лицо и улыбнулся.

– Твоя невинность просто очаровательна.

– Я вовсе не невинна, – пробормотала она то ли смущенно, то ли обиженно.

Он рассмеялся.

– Я говорил не об анатомической составляющей невинности, – сказал он почти весело. – Кстати, в тебе очаровательна отнюдь не только невинность. Знаешь, мне хочется тебя вылепить. Не возражаешь?

– Возражаю? Почему бы? Нет. – Дора колебалась и нерешительно спросила: – Я должна буду раздеться?

Ив улыбнулся.

– Не обязательно. Но если тебе этого хочется...

Дора вспыхнула.

– Я вовсе не это имела в виду!

Ив сел напротив, взял ее руки в свои и спросил:

– Так хочется или не хочется?

– Н-не знаю... Я боюсь...

– Бедная девочка. Современные отношения подходят только нимфоманкам, а ты не из их числа, не так ли?

Дора промолчала, он поднес ее руки к губам и поцеловал, одну, потом другую, это ее ошеломило, подобного с ней еще не случалось, ее такие обыкновенные руки, неухоженные, с коротко обрезанными ногтями без лака... будто она какая-нибудь принцесса... или кино-звезда...

Он выпустил ее руки и встал.

– Собственно говоря, я собираюсь делать портрет, – сказал он. – И не сегодня, сегодня у меня масса дел.

Она тоже поднялась и смотрела на него жалобно.

– Ив... Ив... Если ты...

– Медора! Никогда не руководствуйся чужими желаниями!

Она хотела еще что-то добавить, объяснить, но сказала почему-то только:

– Называй меня Дорой.

– Дорой?

– Меня все так зовут.

– Хочешь, чтобы я называл тебя, как все?

– Ну ты же не будешь, как моя мама...

– А как мама? – спросил он с любопытством.

– Дорри.

Он оглядел ее, подумал и сказал:

– А знаешь, тебе подходит.

Когда Дора добралась до своего пристанища, Надин как раз объясняла «сокамерницам», что такое Лоджия Ланци, правда, те слушали ее вполуха, занятые своими мыслями, какими, нетрудно было угадать, Эмма наверняка пыталась решить, который из купленных утром нарядов – все ее приобретения лежали, развернутые полностью или частично, на кровати, надеть на неизбежное вечернее свидание, а Сюзанна, как всегда, холила и лелеяла жалобы на свою несчастную судьбу, прежде чем исторгнуть их из своей плоской груди, ей уже стукнуло тридцать, она имела четырехлетнего ребенка, сданного в детский приют, и постоянного любовника, обитавшего здесь же, этажом ниже, и предлагавшего ей поселиться вместе, проблема была в том, что брать к себе малыша он категорически не хотел, и злополучная мать так и металась меж двух огней, или если угодно, двух очагов. У нее был отсутствующий вид, у Эммы такой же или почти такой, но Надин это ничуть не смущало, она никогда не упускала случая продемонстрировать свою ученость, обычно это заставляло комплексовать как раз Дору, но сегодня она ощущала себя чуть ли не всезнайкой, Ив всю дорогу рассказывал ей о Флоренции, о статуях на площади Синьории... какое красивое слово – синьория!.. о музее скульптуры и о многом другом, всего она, конечно, не запомнила, но то, о чем говорила Надин, уже не было для нее тайной за семью печатями и даже за одной, несомненно, Ив знал об этом больше, чем Надин... Ив... Ее мысли незаметно перешли на другое, он проводил ее до самых дверей, во двор Наполеона по дороге они заходить не стали, перебрались через Сену по Новому мосту и, обогнув Лувр со стороны Сен-Жермен-л'Оксеруа, пошли дальше кружным путем, по маленьким улочкам, и, еще не дойдя до Бульваров, он взял ее за руку и больше не отпускал до самого приюта, а, прощаясь, спросил:

– Что ты делаешь завтра?

– Ничего. Как всегда, – ответила она печально. – То есть утром я работаю в столовой, с восьми до одиннадцати. А потом...

– Тогда встретимся в двенадцать. Я буду ждать тебя здесь. – Правда, он добавил: – Если случится что-либо непредвиденное, позвоню.

Но она уже не обратила на его оговорку внимания, в душе у нее пели фонтаны рая, она буквально взлетела по лестнице на третий этаж и впорхнула в комнату легко, как балерина из Парижской оперы. «Сокамерницы» показались ей милыми и добрыми, и она от души пожелала, чтобы Сюзанна справилась со своей неразрешимой дилеммой, чтобы Надин каким-то образом получила ускользнувший от нее диплом, чтобы Эмма поняла, где ее счастье, и вернулась к матери... Она сознавала, конечно, что все ее благие пожелания таковыми и останутся, но... Чего не бывает!..

Она еще думала о вещах радостных и прекрасных, когда Эмма, свернувшаяся клубочком в изножье кровати и потихоньку щелкавшая ноготком по экранчику своего компьютера, наверно, лекция Надин ей поднаедала, заметила:

– Тут, кстати, обсуждают эту твою Флоренцию.

– То есть?

Эмма стала читать.

– Еврокомиссия обратилась к правительству Италии с требованием немедленно отменить дискриминационное постановление флорентийской мэрии...

– Правильно, – сказала Надин удовлетворенно. – Нельзя же всех мусульман мазать одной краской. Из-за кучки сумасшедших подняли такой шум...

– Не из-за кучки сумасшедших, – возразила Дора, – а из-за бесценных шедевров.

Надин отмахнулась.

– Это были всего лишь копии!

– Сегодня копии, а завтра?

– Все равно они не имеют права.

– Имеют! Это их город.

Надин всплеснула руками.

– Что за дремучие у тебя представления! Что значит – их город?! Европа – открытое пространство. Все, что в ней есть – общее.

– Для европейцев, – уточнила Дора.

– Мусульмане тоже европейцы. Сотни миллионов их имеют европейское гражданство.

Дора закусила губу, но тут вдруг вмешалась Сюзанна.

– Слушай, Надин, по-моему, у тебя как-то слишком просто все выходит. В доме должны быть хозяева. Пусть гостеприимные, приветливые, доброжелательные, все так. Но если гости приходят в дом ломать мебель и бить посуду, неужели хозяева не имеют права закрыть перед ними дверь?

– В таком доме, как европейский, не имеют, – ответила Надин авторитетно.

– Тогда это не дом, – вздохнула Сюзанна, – а какой-то приют. Вроде этого.

– Дуры вы обе, – бросила Надин сердито.

– Террорист-смертник подорвал себя в Центре искусств королевы Софии в Мадриде, – сказала Эмма, не поднимая головы от компьютера. – Какие-то молодчики обрызгали краской панно Дельво в брюссельском метро.

– Но...

– В Афинском Акрополе бомба, подложенная неизвестными людьми, разбила две из четырех кариатид...

Надин попятилась назад, наткнулась на стул и шлепнулась на него.

Ив бережно водил пальцами по мягкому теплему пластику, исподтишка наблюдая за раскрасневшейся Дорой, накрывавшей на стол. Готовить она не умела, но с каким трогательным рвением старалась сделать все наилучшим образом, с великим тщанием раскладывала немудрящие закуски, аккуратнейшими кубиками нарезала овощи для салата, вот она расставила тарелки, разложила салфетки, отступила на шаг от стола, прищурившись, вгляделась в творение своих полудетских рук и нахмурилась, что-то было не так, передвинула бокалы, приборы, опять отступила... От одного ее вида в комнате становилось светлее, эдакое маленькое ходячее солнышко. Впрочем, как женщина, она такой уж маленькой не была... или была? Трудно сказать. Худенькая, в сущности, она была столь мелкокоствата, что все ее суставы и прочие бугорки тонули в плоти, и она казалась чуть ли не пухленькой, круглые плечи, небольшие, но тугие груди, полные губы... Больше всего ему нравилось восхитительно наивное выражение всегда широко открытых глаз, сразу создававшее впечатление беспомощности или незащитности, так и хотелось схватить ее в объятия и загородить от отвратительного мира, в котором ей... как, впрочем, и всем... приходится жить.

Он перевел взгляд на словно расцветавшую под его пальцами скульптуру, это был не портрет, как он сначала задумал, когда она в первый раз распустила волосы, хлынувшие по спине, а потом вдруг, непроизвольно, наверно, перекинула вперед несколько густых прядей

и застенчиво прикрыла грудь, его прямо ударило, святая Агнесса! Эта сублимированная сексуальность, именно так он представлял себе «невест Христовых», не девственницы, нет, женщины, подвергшиеся некогда грубому насилию, отвратившему их от блаженства земного, и потому обратившиеся к небесному, конечно, Бернини уже воспроизвел этот феномен, но более откровенно, он же видел в нем больше стыдливости и страха, он знал женщин лучше, чем Бернини, двадцать первый век предоставлял мужчинам иные возможности, куда шире стала палитра доступного для утоления их appetитов прекрасного пола, включившая в себя категории женщин, в былые времена совершенно недостижимые даже для неутомимых искателей любовных приключений... хотя ручаться трудно, нравы в те времена тоже были не самые суровые, по крайней мере, на деле... в любом случае, он с прекрасным полом был знаком отнюдь не понаслышке и давно понял, что современная якобы освободившая женщину цивилизация швырнула ее во власть подонков и сластолюбцев... И эта бедная девочка тоже успела всякого навидаться... она казалась девочкой, хотя ей и в самом деле исполнился двадцать один... впрочем, неудивительно, как можно повзрослеть в мире, где все решают за тебя... За исключением тех нескольких процентов поколения, которые то ли под влиянием, если не давлением родителей, то ли в силу рано проснувшихся амбиций, некоторая часть, возможно, и из тяги к знаниям, начинают учиться и тем самым закладывают основу будущей карьеры, остальные обречены на прозябание, максимум достижимого – работа в сфере услуг, тоже не безразмерной, а будущее прочих, иными словами, подавляющего большинства, уже определено государством: пособие, которого достаточно, чтобы платить за место в том же государственном приюте, то есть иметь, где спать, есть и мыться, чтобы хватило на вино... или пиво, даже во Франции теперь больше пьют пива, чем вина, не говоря о северной или центральной Европе... на дешевую еду и подержанную одежду, на футбол, дискотеки, электронное барахло... плюс еще гарантированный минимум медицины, и это все дадут без всякого труда, и не надо никуда стремиться, поскольку большего все равно не добьешься... так зачем взрослеть, когда столь просто жить, ничего не делая, жить или существовать, но кто способен уяснить себе разницу... Он вылепил выглядывавший из пышных завитков сосок левой груди и очертил контур правой... Это, конечно, была не совсем Агнесса, презревшая земные вожделения и мысленно отдававшаяся небесному жениху, но и не совсем Дора, которая вовсе не думала ни о каких женихах, ни земных, ни небесных... впрочем, так было вчера, а сегодня, может, что-то и изменилось?... но тут, в скульптуре, в которой сквозь застенчивость и испуг проглядывала спящая сексуальность, она была уже не вчерашняя, вчера она жила еще в ушедшем от нее мире девочки-школьницы, теплом, уютном, где есть мама и папа и своя комнатка, маленькая, но непременно на солнечной стороне с игрушечным мишкой на кровати... конечно, когда-нибудь она ушла бы из этого мира или, скорее, мирка, сама, но жестоко из него выброшенная, цеплялась за прошлое отчаянно... Жестоко и безответственно! Он мог понять ее родителей, пожелавших остановиться в своем свободном падении, не достигнув дна, но где чувство ответственности за любимое дитя?..

– Ив, – позвала Дора тихо. – Все готово, можно садиться за стол. Если только ты...

– Все в порядке, я закончил. На сегодня, во всяком случае.

Он выключил подогрев, соскользнул с высокого рабочего стула и, как недавно Дора, отступил на шаг или два, дабы обозреть свое творение. Нет, эту вещь он продавать не станет, даже если его озолотят... впрочем, золотить его, конечно, никто не будет, но сколько-то там, несомненно, предложат, в последние годы возрос интерес к классическим формам, и коллекционеры вкупе с богатыми любителями искусства начали потихоньку вкладывать деньги в новую... или новую старую?... скульптуру, самому ему все эти веяния и тенденции были до лампочки, он работал в той манере, какой работал, и если мода обходила его стороной, тем хуже для моды... однако теперь мода стала под него подлаживаться, появились даже почитатели, тем более покупатели, не очень много, конечно, скульптура – игрушка дорогая, правда, удачно подоспели новые материалы подешевле, что снижало цену и позволяло круг этих поку-

пателей расширить... его, впрочем, в пластиках привлекала отнюдь не только цена, не все их принимали, но ему нравилось, он всегда любил лепить, он верил своим пальцам, хотя иногда они его пугали, словно обретая самостоятельность и создавая воплощения, не вполне совпадавшие с образами, сложившимися в уме... пугали или смущали, но это было приключение, волшебство... а пользоваться резцом ему всегда немножко претило, все равно, что ласкать женщину руками в перчатках... Нет, конечно, он и резцом владел, вполне был способен высечь из мрамора своего Давида, будь у него мрамор... хотя Давид у него душевного отклика не вызывал, его любимой микеланджелевской работой была голова Брута, и вообще, Микеланджело, конечно, неоспоримая вершина жанра, но стилистически ему были ближе Джамболонья или Бернини... С Джамболонья его роднила и творческая судьба, пусть и появившийся на свет в Голландии, но француз, отправившийся на поклон к итальянскому искусству... стилистически, да, Джамболонья и Бернини, но по духу все-таки Микеланджело...

Он не слышал, как подошла Дора, заметил ее только, когда она взяла его под руку.

– О, Ив, – сказала она почти благоговейно. – Неужели это я?

– Не похожа?

– Разве я такая красивая?

– Конечно. А как ты поняла, что она... я имею в виду статую... красива? Лицо ведь еще не закончено.

Дора смутилась.

– Не знаю. Я... Я вижу.

Малышка не обделена чувством прекрасного, отметил про себя Ив, но вслух сказал только:

– Пойду помою руки. А что будем есть?

– Спагетти.

– Под каким соусом?

– Песто.

– Ну! Что ж, давай попробуем.

– Дорри, – сказал он, когда со стола было убрано и посуда перемыта. – Дорри, послушай.

– Она зарделась, бедное дитя, как всякий раз, когда он называл ее этим именем, так что он снова почувствовал прилив нежности и желания защитить ее. – У меня есть одна идея.

– Какая?

– Я хочу купить тебе платье.

Она удивилась, сразу возразила:

– Платье – вещь непрактичная. Блузки и брюки можно комбинировать, нарядов сразу как бы становится больше. К тому же они дорогие, платья.

– Я вовсе не собираюсь дарить тебе вечерний туалет от всяких Карденов или как их там. Обыкновенное летнее платье.

– Я не хочу, – вспыхнула она.

– Почему?

– Не хочу, чтобы ты делал мне подарки! Будто я... будто я...

Ив засмеялся.

– Какая же ты глупенькая!..

Не глупенькая, а гордая, маленькая ершистая Дора, как причудливо все-таки сочетаются в человеке несовместимые на первый взгляд качества, доверчивость и стремление к самоизоляции, покорность и склонность к бунту, тяга к зависимости и судорожное цепляние за независимость или, по крайней мере, ее внешние атрибуты... Собственно, это была уже не первая ее попытка отстраниться, сохранить самостоятельность, она настояла на том, чтобы утром в семь встать и отправиться в свой приют, дабы не опоздать на работу, когда он заметил, что она

может бросить столовую к черту, она воззрилась на него с таким изумлением, словно ей предложили перебраться куда-нибудь в Австралию, нет, ни за что!.. конечно, она боялась, сегодня она здесь, а завтра ее отошлют туда, откуда пришла, и что тогда?.. собственно, уйти из приюта он ей не предлагал, рано, он не был настолько в себе уверен, потому промолчал и насчет столовой, и она пошла, то есть поехала на метро, так свое несчастное жалованье на метро и проездит, но что с этим делать, не предлагать же заплатить за проездной, обидится...

– Послушай, Дорри, – сказал он, – ты ведь не берешь с меня денег за то, что позируешь.

– За то, что позирую?

– Именно. Ведь натурщицы работают не бесплатно.

Она снова вспыхнула.

– Я никогда!.. я просто... для тебя... – она чуть не плакала.

– Понимаю. И я просто. Мне хочется увидеть тебя в платье до колен и в туфельках на каблуках, так, чтобы твои ножки предстали передо мной во всей красе. Вот и все. Но если это тебя оскорбляет, я настаивать не буду.

Она шумно вздохнула.

– Ладно. Но только если очень недорого. Хорошо?

– Хорошо.

Платье они купили в «Галери», и Ив предложил занести его в приют, благо, близко, хотя и видел, что Доре не терпелось его надеть, но идти в нем туда, куда он собирался, представлялось ему неразумным, собственно, он предпочел бы вовсе не брать Дору с собой, но когда она попросилась, отказать не хватило духу, в любом случае, не в этом платье, оно выглядело слишком нарядно, хотя в самом деле было недорогим, Дора с суровым видом исследовала ценники каждой вещи, на которую он указывал, пока не согласилась на эту, недорогим, но очень ей шло.

Подняться наверх она его не пригласила, тоже, конечно, из гордости, не торопилась знакомить с соседками, а вдруг будет похоже на смотрины, предложила подождать внизу в холле, она мигом, но он решил просто пройтись взад-вперед по улице и не успел даже дойти до угла, она догнала его, запыхавшаяся, но радостная, он снова заколебался, стоит ли везти ее туда, где ее бывлые горести несомненно оживут, но портить ей настроение здесь и сейчас не решился.

Они вышли на бульвар Османа, прогулялись до станции RER и спустились вниз.

Поезд, как и все прочие идущие в пригороды, был полон арабов и африканцев, та еще тавтология, можно подумать алжирцы, тунисцы или египтяне не из Африки, он посадил Дору в уголок у окна и сам сел рядом, отгородив ее собой от нежелательного соседства, огляделся и довольно скоро увидел плотоядные усмешки стоявших в проходе парней. Н-да! Он демонстративно сунул руку в правый карман и поиграл тем, что там лежало. Парни, пошептавшись, ретировались.

– Я давно не ездила на RER, – сказала слегка побледневшая Дора, когда они вышли из поезда. – Со школьных лет, да и то мне никогда не позволяли добираться одной, папа всегда приезжал за мной... А у тебя с собой пистолет, да?

Заметила его жест. Он усмехнулся.

– Как всегда. Правда, он игрушечный.

– Ох, Ив!

– Обратно поедem на автобусе. Дольше, но спокойней.

– А тут?

– Это белый пригород, здесь тихо.

Он повел ее боковыми улочками провинциального вида, одно-, двухэтажные домики, построенные большей частью в прошлом веке – особнячки не слишком богатых, но успешных представителей среднего класса, садики за решетками, а порой и глухими стенами, непривычно

пустые тротуары и мостовые, в таких местах у всех есть гаражи, никто машин на улице не оставляет, да и людей не видно, они там, где магазины, словом, тишь да гладь.

Через каких-нибудь полкилометра они вышли на окраину, и перед ними раскинулась больница, множество корпусов разной величины, от совсем небольших построек до зданий довольно внушительной высоты, бетон и пластик, дешевые технологии, но оснащение более-менее современное, это он знал, хотя не был тут уже давно.

У скверика, разбитого перед главным корпусом, он остановился.

– В этой больнице умерла моя мать. У нее были почти такие же волосы, как у тебя, только немного короче. От лечения они выпали, не сразу, день за днем, прядь за прядью, и она все плакала и плакала, словно это было ее главной бедой. А потом умерла, спасти ее не смогли, хоть и обещали.

– А что у нее было? – спросила Дора шепотом.

– Рак.

– Но ведь его лечат!

– Как правило. Но не всегда. У нее была тяжелая форма, к тому же запущенная. Тут и моя вина, если б я был здесь... Хотя и будучи здесь, я виделся с ней нечасто, в те времена я вел весьма богемный образ жизни, с несколькими такими же олухами жил в ангаре, приспособленном под мастерские, где мы больше пьянствовали и похвалялись, чем работали. Потом я уехал в Италию, автостопом, провел там около полугода, ездил из города в город, ее звонок насчет того, что она срочно ложится в больницу, застал меня в Риме, и я сразу приехал, но было уже поздно, у нее оказалась последняя стадия, и через два месяца она умерла.

– А... отец?

Ив пожал плечами.

– Никогда его не видел. Мать не говорила мне, кто он, может, и сама не знала. Обычное дело.

– О, Ив... – В голосе Доры звучали слезы.

– Не расстраивайся. Это было давно. Десять лет назад.

Дора помолчала, потом спросила:

– А как ее звали?

– Маму? Линда.

– Необычное имя.

– Да. Это в честь ее бабушки, та была откуда-то из Скандинавии, то ли Швеции, то ли Норвегии. Ну пошли.

– А к кому мы идем?

– Идем провести одного моего старого приятеля. Как раз из той компании, о которой я тебе только что говорил. Только он не художник и не скульптор, а поэт.

И что с ним?

– Он перерезал себе вены.

Ив снова остановился, повернул к себе Дору и посмотрел ей в глаза.

– Послушай меня, Дорри. Здание, в которое мы направляемся, в народе называют корпусом самоубийц. Сюда свозят тех, кто пытался свести счеты с жизнью, но не преуспел в своем печальном начинании. Обычно их удается спасти, но я не знаю, все ли они этому рады. Я, правда, читал где-то, что самоубийцы редко повторяют свою попытку, но не уверен, что это так уж точно соответствует истине. В любом случае, атмосфера здесь особая, не такая, как в отделениях, где лежат обычные пациенты. Понимаешь?

– Понимаю, – ответила она потухшим голосом, наверняка сразу подумала, что сюда могли привезти и ее родителей, привезти и вернуть к жизни, если б доставили вовремя, если б кто-нибудь обнаружил их раньше, даже она сама, почему у нее не возникло предчувствия, потребности бежать домой, убедиться, что там все в порядке, да, бедная Дора, на миг его охватило

раскаянье, какого черта, в самом деле, он ее сюда притащил, но потом он успокоился, в конце концов, стоит ли прятать голову в песок, действительность такова, какова она есть, и надо к ней привыкнуть.

Холл «корпуса самоубийц» был пуст, только за стойкой, больше напоминавшей гостиничную, нежели больничную, сидела крупная женщина в зеленом халате с аккуратно уложенными тронутыми сединой волосами, лет пятидесяти – пятидесяти пяти, не меньше, Ив удивился, скорее он ожидал бы увидеть на этом месте красотку вдвое моложе, потом он вспомнил, что медицина – чуть ли единственная область, где конкуренция за рабочие места не шла ни в какое сравнение с прочими, наоборот, по всей Европе наблюдалась постоянная нехватка врачей, в чем тоже ничего неожиданного не было, современный человек отнюдь не стремится отягощать себя излишком ответственности, да и усердия и самоотдачи врачебная работа требует больше любой другой. Конечно, сидеть за компьютером в холле это не за операционным столом стоять, но на такие должности все-таки ставили медсестер, и хотя об этом он почти ничего не читал, но вполне мог предположить, что в медсестринские школы или где там их готовят, конкурс тоже невелик, малоприятная работа, утомительная и грязная, и если учиться на врача может толкнуть и такой стимул, как честолюбие, то идти в медсестры человека может побудить только... что?.. гуманизм?.. ха!

Он назвал имя и фамилию, регистраторша пробежалась пальцами по клавиатуре, нажала на клавишу и сунула ему карточку с отпечатанным номером палаты. Он хотел пошутить насчет многоумных посетителей, которые пару циферок запомнить не в состоянии, но потом увидел, что число четырехзначное.

– Четвертый этаж. Лифт за вашей спиной.

Выйдя из лифта, они попали в длинный коридор, от которого под прямым углом отходил еще один, Ив сверился с указателями и свернул направо.

– Сюда.

Коридор казался бесконечным, с одной стороны окна, с другой закрытые двери в палаты, нигде никого, хотя в простенках стояли диванчики, очевидно, предназначенные для пациентов, но пустовавшие, возможно, подумал Ив, они слишком малы, на двоих, максимум троих, что предполагало доверительные беседы, здешней клиентуре, скорее всего, несвойственные, ведь если человек умеет кому-то довериться, он себе вены не перережет... умеет... или имеет, кому... так, наверно, рассуждали и господа психологи, их-то, в отличие от врачей, целые армии, проходу нет, решили, что *pares cum paribus*, подобный с подобным легче сойдется, потому и корпус этот придумали, но нет, не все так просто... Кое-где виднелись и кресла, однако и в них никто не сидел.

– Сколько их! – сказала Дора нервно.

– Кого?

– Палат.

– Да, немало.

Он посмотрел на карточку, перешел к следующей двери и осторожно ее приоткрыл, здесь он пропускать Дору вперед не намеревался, бог знает, на какие игры в подобных местах можно наткнуться, он помнил, как десять лет назад худая, как скелет, но размалеванная, как клоун в цирке, женщина пыталась затащить его в постель прямо в палате на глазах у умирающей матери, нам, мол, все позволено, поскольку мало осталось... Однако внутри все было спокойно, и он, увлекая за собой Дору, вошел. Большое помещение было густо заставлено кроватями, шестнадцать, восемнадцать, что-то в этом роде, пересчитывать он, конечно, не стал, три или четыре были застелены, несколько разобраны, но пусты, а на остальных лежали люди, то ли спали, то ли нет, но молчали, в палате стояла поистине мертвая тишина. Мертвая еще и потому, что не работал телевизор, который бубнит везде и всегда, но тут нет, большой экран на одной из стен, высоко, чтобы видеть его отовсюду, был темным и немым. Никто не приподнялся, не

повернул головы, ходить между кроватями и разглядывать пациентов было бы странно, и он негромко позвал:

– Алекс! Алекс, ты здесь?

Лежавший спиной к комнате человек у окна, резко повернулся, потом рывком сел.

– Ив?

Волосы у него были всклокочены, щеки покрыты трех-, четырехдневной щетиной, но взгляд вполне осмысленный, значит, болтовня о том, что здешних пациентов пичкают транквилизаторами, беспочвенна, во всяком случае, если и пичкают, то не всех и не всегда.

Он подошел поближе, Алекс поискал взглядом что-то, наверно, стул, потом заметил робко стоявшую у двери Дору.

– Твоя девушка?

Ив кивнул.

– Тогда нам лучше посидеть в коридоре.

Он отбросил одеяло и встал, больничная пижама была ему коротковата, из-под штанин торчали костлявые лодыжки, из рукавов обмотанные пластырем запястья. Он надел висевший на спинке кровати халат, не менее куцый, чем пижама, сунул ноги в разношенные до упора шлепанцы и зашаркал вслед за Ивом к двери.

– Ты как будто процветаешь? – заметил он, как только они оказались в коридоре.

– То есть?

– Я слышал, что Помпиду купил несколько твоих работ.

– Две.

– Неплохо. Хотел сходить посмотреть, но так и не собрался.

– Ничего, еще сходишь.

– Да... – Он вздохнул, и Ив спросил прямо:

– Как тебя угораздило?

– Ты не представил меня своей даме, – сказал Алекс вместо ответа.

– Я не был уверен, что ты захочешь при ней откровенничать.

– Почему нет?

– Ну, коли так...

«Дама», выскользнувшая за дверь сразу, как только Алекс вылез из кровати, чинно сидела на диванчике чуть поотдаля, Ив подвел к ней товарища и представил по всей форме.

– Не забудь щелкнуть каблуками.

Алекс посмотрел укоризненно.

– Ладно, рассказывай, – велел Ив. – Или нет, сначала сядем. – Он подождал, пока Алекс неловко плюхнется на диван рядом с Дорой, подтащил стоявшее у соседнего простенка кресло и сел лицом к Алексу. – Слушаю.

– Душно здесь, – снова вздохнул Алекс.

– Давай откроем окно.

– Нельзя. Они закупорены намертво. Чтобы никто не соблазнился, как-никак четвертый этаж, а народ тут, как ты понимаешь, на все способен... Очень трудно объяснить даже себе самому... Это ведь все стихийно... Просыпаешься утром, голова гудит после вчерашней пьянки, вокруг ни души, и вдруг до тебя доходит простейшая, в сущности, мысль: ты никому не нужен... Сколько лет мы с тобой не виделись?

– Около пяти, я думаю.

– Последние три я жил на Монмартре, в мансарде, мы ее снимали на троих, один – художник, сейчас получил заказ, расписывает потолки в квартире какого-то хвата, мода такая, слышал, наверно?

Ив кивнул.

– Его целый день нет, приходит поздно вечером. Второй... Хороший был парень, закончил университет, давал частные уроки дебилам, родители которых втемяшили себе в голову их, так сказать, образовывать, иногда и мне учеников подкидывал... с ним можно было поговорить, но в прошлом месяце его убили, ни за что, грабить у него нечего, всякому видно, человек тихий, сам бы в драку не полез, но шпане-то все едино, избили и бросили, умер, не приходя в сознание... О чем я? Да... Я выпустил книжку. Несколько лет назад уговорил одно издательство, сделали электронную, она и утонула в интернете, сам знаешь, сколько там этого добра, никто не заметил, ни одна собака не купила, я и решил выпустить настоящую, бумажную. Два года бегал по разным фондам, выпрашивал подавание, так сказать, стихи издавать ведь теперь никто не хочет, а на бумаге и вовсе практически ничего не печатают, надо самому... Словом, достал деньги, нашел типографию, тираж всего-ничего, пятьсот экземпляров... Ни один магазин не берет, они и так уже наперечет, а те, которые еще не закрылись, сразу дают от ворот поворот, никто, мол, не купит, бессмысленная затея, я дошел до ручки, уговаривал взять бесплатно, выручку себе, куда там! Места жалко. Так и лежит тираж под кроватью, пару десятков раздал знакомым, и весь сказ.

Он замолчал.

– На самом деле, – заметил Ив, – несколько сот любителей поэзии в стране, может, и найдется...

– Да! Но поди найди их самих! Не стоять же на Конкорд и предлагать прохожим книги!

– Кто-то, может, и стал бы...

– Может! Я не из таких... Но знаешь, Ив, когда я очухался и огляделся... сосед ни с того, ни с сего явился днем домой, забыл какую-то кисть, что ли?... неважно... словом, нашел меня, дурака, еще полуживым, привезли сюда, привели в чувство... Так вот, когда я очухался и огляделся, мне стало стыдно. После того, как поговоришь с людьми...

– Мне показалось, что народ здесь молчаливый.

– Так и есть. Но за четыре дня найдешь и болтливых. Люди больше простые, кажется, что им беситься, не прежние времена, когда под мостами ютились, вроде живут... вроде!.. Ни профессии, ни работы, ни перспективы... Ни друзей... что может объединять людей, когда нет ни знаний, ни мыслей, о футболе сутками разглагольствовать или содержание телесериалов друг другу пересказывать?... в карты играть целыми днями?... Ни возлюбленной, откуда, когда в женщинах никакой тайны не осталось, спортивного интереса и того нет, любая готова чуть ли не на улице раздеться, только помани... кто помоложе, еще вихляет задом на дискотеках или трахается с кем попало, но с возрастом до людей доходит, что жизни у них нет и не будет, полная пустота, как тут руки на себя не наложить... А у меня все-таки есть призвание и занятие... Надежда, наконец! Что все изменится, хоть когда-нибудь, пусть через сто лет... если к тому времени французский язык не выйдет из употребления, пишу-то я по-французски, хоть и не совсем француз.

– Алекс наполовину русский, – пояснил Ив, обращаясь к Доре. – По отцу. Вот только русского языка не знает.

– Полсотни слов в уме держу, – поправил его Алекс. – Но у меня и отец уже тут родился, сам не очень бегло на родном языке изъяснялся. Правда, Пушкина читал и меня назвал в его честь.

– Он умер? – спросила Дора несмело.

– Давно. Инфаркт. Пил много. Не состоялся, как он считал.

– А мама?

– Мать жива. В Бретани обитает, с теткой моей, бабушка еще была, за девяносто, недавно умерла, мама за ней ухаживала. Как отца не стало, отправилась к родным пенатам. И меня с собой звала, но что мне там делать?

– Стихи писать, – заметил Ив насмешливо. – Какая разница, где этим заниматься?

- Для меня есть. Я – человек городской, а там деревня.
- Ладно, оставайся, раз так. А вены больше резать не будешь?
- Не буду.
- Отлично. Запиши адрес, принесешь нам свою книжку, когда выпишут.

Дора порхала между кухней и столовой с полными тарелками, ингредиенты завтрака в приюте были четко определены, за исключением багета и кофе, которые не лимитировались, каждому полагалось по круассану, по три куска сыра и по две крошечные упаковки масла и мармелада, вроде не так уж мало, ее родители ограничивались по утрам кофе с булочками или парой бутербродов, конечно, потом следовали и другие трапезы, а приютские редко выходили за пределы завтрака да супа, потому их кормили чуть основательнее, естественно, сыр был дешевый, а мармелад кроме приторного вкуса фруктовой эссенции иного не имел, но что делать... Хорошо еще, что их не пытались потчевать американской едой, несмотря на все протесты и скандалы, избавиться от нее не удавалось, однажды много лет назад прорвавшись на европейский рынок, Штаты отступить уже не желали, упрямо навязывая свои генетически изуродованные, как их называли в народе, или напичканные всякими малопонятными веществами продукты хотя бы тем, кто победнее, но им сопротивлялись даже приюты, по крайней мере во Франции. Дора помнила, как ее подружки при виде безобразно растолстевших мальчиков и девочек, на улице, у них в школе таких не было, перешептывались, мол, бедняг, наверно, кормят «по-американски», и, когда она спросила, что это значит, ей охотно объяснили, предостерегали ее и родители, если купишь себе мороженое, обязательно посмотри, нет ли на этикетке того и этого, написанного оранжевыми буквами...

Она посмотрела на часы, вернее, циферблат на включенном большом телевизоре, или мониторе, в данный момент это был телевизор, поскольку показывал телепрограмму, пять минут десятого, Ив, наверно, еще спит или лежит в постели, он не любит рано вставать, а может, он уже на ногах, варит кофе, вид у него отсутствующий, как всегда по утрам... всегда – это сильно сказано, она видела его в такую рань только по выходным, то есть четыре раза, у нее было два свободных дня в неделю... но, наверно, так у него всегда, выпив кофе и рассеянно съев круассан... их он покупает накануне и, чтобы не засохли, кладет в термостат с материалами, удивительно для такого педанта, у которого все всегда лежит на своем месте, как он мог вести богемный образ жизни хоть когда-нибудь, непостижимо, у художников ведь все валяется где попало... впрочем, это она взяла из книг, никого такого, кроме Ива, она никогда не встречала... выпив кофе, он встает и, засунув руки в карманы, начинает бродить по студии, десять минут, двадцать, полчаса, потом решительно открывает дверцу термостата, его включают вечером, чтобы к утру материал был готов, вынимает большой ком пластика, переносит на специальную подставку с подогревом и начинает осторожно разглаживать в одном месте, вытягивать в другом, и потихоньку в бесформенной массе проступают очертания головы, тела...

– Дора! – окликнули ее, она обернулась и увидела Сюзанну, сидевшую за крайним столиком в полном одиночестве. – Давно тебя не видела, совсем домой не приходишь.

– Я вчера поднималась наверх, тебя не было, – возразила Дора.

– Все равно. Иди сюда. Сама-то завтракала, нет?

Дора покачала головой.

– Не успела.

– Так возьми тарелку и садись ко мне. Как раз затишье.

Когда Дора послушно села со своей порцией за ее столик, Сюзанна сразу спросила:

– Кто он?

– Он?

– Ну да! Не будешь же ты утверждать, что проводишь ночи у вдруг объявившейся двоюродной тети.

Дора рассмеялась.

– Веселая какая! В лотерею, что ли, выиграла?

– Я в лотерею не играю, – ответила Дора серьезно.

– Да? А почему? – удивилась Сюзанна.

– Не знаю, – сказала Дора чистосердечно.

В самом деле, почему? В лотерею или лотереи, поскольку их развелось великое множество, от городских до общеевропейских, играли сотни миллионов людей, понятно, когда зарабатывать хоть какие-то нормальные деньги категорически негде, все начинают связывать надежды на лучшее будущее с фортуной, авось кинет кусок пожирнее, да и мысли эта игра заполняет, чем думать об унылой сегодняшней жизни, строят планы на ту, которая наступит, когда этой самой фортуны надоест поворачиваться к тебе спиной, Эмма, например, частенько размышляла вслух о том, что она сделает, если выиграет хотя бы парочку миллионов, отправлялась в морской круиз, на горнолыжный курорт, переселялась в фешенебельный отель, покупала наряды от-кутюр, всякая такая чушь... Может, потому у нее, Доры, и не возникало желания обзавестись лотерейным билетом, ее раздражала болтовня Эммы, уж она-то ни о каких горнолыжных курортах или вычурных платьях не мечтала, переехать в отель, что за ерунда, каким бы фешенебельным он не был, на настоящий дом это похоже не больше, чем приют... Дом... Конечно, на такие деньги можно купить квартиру, но что в ней делать одной?..

– Так и не скажешь, кто он? – снова спросила наблюдавшая за ней Сюзанна.

Дора промолчала.

– Странная ты, – сказала Сюзанна задумчиво. – Все мы странные. Уже больше двух лет вместе живем, как одна семья. А все равно чужие.

В приюте ведь не выбираешь, с кем жить, куда поселят, туда и пойдешь, подумала Дора, хотя, строго говоря, это не совсем так, если очень уж не поладишь с соседками, можно и с кем-то обменяться, да и братьев и сестер тоже не выбирают, к ним просто привыкают, все-таки с детства вместе, хотя и те иногда становятся чужими, сама она этого представить не могла, не могла вообще представить себе, каково иметь брата или сестру, их не было не только у нее самой, но и у ее родителей... если уж так рассуждать, с соседками даже проще, тут не кровные узы, которых не разрушить, посторонних подбирай хоть по возрасту, хоть по интересам... собственно, она как раз с соседками вполне ладила... Но не настолько, чтобы делиться заветным...

– Зайду завтра или послезавтра, расскажу, – сказала она, допивая кофе. – А сейчас мне работать надо.

Наверх она подниматься не стала, хотя обычно делала это если не каждый день, то через один-два, проводила в номере полчаса-час, редко больше, не для того, чтобы поболтать с девушками, к тому времени Эмма и Сюзанна успевали выйти, а Надин, возлежав на кровати, читала, и вряд ли у нее была бы охота выслушивать излияния Доры, если бы той взбрело в голову выворачивать душу именно перед ней, чего она делать никогда бы не стала, перед кем угодно, только не Надин, нет, она задерживалась в приюте, с одной стороны, для того, чтобы потом сполна насладиться контрастом между прекрасным, хотя, возможно, и эфемерным настоящим и грубо, но все-таки более-менее крепко сколоченным прошлым, в которое в любой момент ее могли вернуть... нет, не теперь, недаром ведь он сказал Алексу «принеси книжку нам», значит... но вероятность все-таки сохранялась... а с другой стороны, она просиживала в приюте лишний час, чтобы не показывать... кому?.. себе?.. как торопится туда, на Левый берег, сидела и представляла ближайшее будущее, вот она спускается в метро, едет, выходит, вот бежит по переулочкам, нажимает на кнопку домофона, поднимается по лестнице, проскальзывает в незапертую дверь, Ив уже в студии у незаконченной скульптуры, он только приветственно машет рукой, и она тихо входит, устраивается в уголке дивана и берет с журнального столика начатую книгу... У Ива было много бумажных книг, купленных, конечно, у букини-

стов, в магазинах ведь такие цены, что подойти страшно, но какая разница, теперь и у букинистов книги почти новые, только стоят в десятки раз дешевле, не странно ли. Много книг и альбомов, их они смотрели вместе, Ив рассказывал ей про художников и картины, объяснял сюжеты...

Но сегодня все было иначе, когда она взбежала по лестнице, Ив встретил ее в дверях, взял за руки и спросил:

– Дорри, а отпуск тебе положен?

– Четыре недели в году, – сказала она.

– А в этом году ты его брала?

– Я его никогда не беру. Что мне с ним делать?

– Прекрасно. Можешь оформить его с послезавтрашнего дня?

– Наверно, – сказала Дора неуверенно. – А зачем?

– Затем, что мы с тобой поедem отдохнуть. Ненадолго, конечно, на неделю или две. Да, а купальник у тебя есть?

Сердце Доры замерло.

– Купальник?

– Ты ведь хотела в Ниццу?

– О, Ив!..

Ее глаза наполнились слезами.

– Что с тобой?

– Ив! Я никогда не смогу заработать достаточно, чтобы...

– Дорри! Тебе не кажется, что ты слишком много говоришь о деньгах?

– Но ведь такая поездка обойдется очень дорого.

– Вовсе нет. Жить мы будем в студии одного моего хорошего друга, она не слишком большая, но там найдется, где спать и где есть, к тому же она недалеко от моря и от центра, до старого города четверть часа пешком...

– А ему мы не помешаем?

– Никоим образом. Его там нет, он отправился в очередное паломничество по Италии.

– Он – верующий?

– Он – художник! Проводит в своей земле обетованной почти каждое лето. Я ему позвонил, нам придется только забрать ключи у его двоюродной сестры, а потом вернуть. Отвезут нас туда тоже бесплатно.

– Кто?

– Клиенты.

– Какие?

– Скоро увидишь. Они подойдут к двенадцати. Хотят купить скульптуру для своей виллы и просят поехать с ними, чтобы найти подходящее место.

– Но ты... ты не продашь им?... не продашь Агнессу, нет?

– Да что ты, Дорри!

– А если они очень захотят?

– Не захотят. Я отнес ее в спальню, по спальням клиенты не бродят. Вот, кстати, и они.

Он нажал на кнопку домофона.

– Ничего, что я здесь? – спросила Дора несмело.

– А где тебе еще быть? – удивился Ив.

Клиенты оказались супружеской парой примерно возраста Ива, Дора уже знала, что ему тридцать четыре, возможно, муж был на пару лет старше, а жена чуть моложе, он – длинный, вялый, ленивый на вид, она, напротив, подвижная, живая, хотя тоже тощая и немалого роста, Дора подумала, что в этой семейке скорее всего работает жена, а муж проживает наследство, но позднее выяснилось, что все как раз наоборот, она – дочь миллионера, расточающая свою

энергию в благотворительных обществах, а он – менеджер какой-то компании, принадлежавшей, правда, недавно умершему тестю, но занявший свою должность еще до знакомства с будущей женой, то есть необязательно синекуру. Он был в старых синих джинсах и белой тенниске, увидишь на улице, ни за что не выделишь из толпы, она же разделась в платье из натурального льна, естественно, мягое, однако необычного покроя и наверняка неописуемо дорогое, но все равно свисавшее с нее, как с жерди, Дора пожалела, что не успела переодеться в свое чудное новое платьице и тут заметила, что пока она исподтишка разглядывала жену, муж рассматривал ее самое.

– Какая сладкая девочка! – сказал он.

Дора насупилась. Ив только усмехнулся.

– Выпьете кофе? Клаудия? Мсье Буль?

– С радостью, – пропела жена.

– Пожалуй, – обронил муж. – Кстати, зовите меня Пьером.

– Дорри, займешься?

Дора кивнула, она была не прочь удалиться от этой компании, особенно от нахального мсье Буля. Подойдя к плите, она обнаружила, что кофе уже готов, надо только подогреть молоко и вынуть сливки, в шкафу оказались и пакет с булочками и коробка с пирожными, как видно, Ив против обыкновения выходил за ними. Пока ее руки привычно накрывали на стол, глаза следили за происходившим в студии, мсье Буль, англичанин, что ли, стоял неподвижно чуть в стороне и рассматривал скульптуры издали, а Клаудия носилась вокруг, наклонялась, поднималась на цыпочки, всплескивала руками и издавала невнятные восклицания.

Потом сели пить кофе, Дора со сливками, мсье Буль попросил латте, как и Ив, а Клаудия черный без сахара, боится, как бы на ее скелет не вырос кусочек мяса, подумала Дора ехидно. Впрочем, пирожное гостя съела.

Речь пошла о недавнем взрыве в Лувре, Клаудия возмущалась и вновь орудовала руками, теперь уже воздеяя их кверху, а ее муж, воспользовавшись паузой, ввернул:

– Только что читал в новостях, поймали двоих из организации, где числился этот террорист.

– Слава богу, – вскричала его жена.

– А вот с теми, кто отправил его к праотцам, подвижек нет.

– Слава богу, – повторила Клаудия.

– Не думаю, чтобы их искали с особым усердием...

– Не скажите, – возразил Ив. – Ишут. Кстати, Микеланджело почти не пострадал, – добавил он, обращаясь, в основном, к Клаудии.

– Слава богу, – повторила она в третий раз.

Как заведенная, подумала Дора неприязненно.

– Но сильно поврежден Бернини.

Интересно, что она скажет теперь.

Теперь Клаудия только всплеснула руками.

– Но его как будто можно отреставрировать.

Сейчас она снова вскрикнет «слава богу!», подумала Дора, но опять ошиблась.

– Обожаю ранние вещи Бернини, – заявила та. – Ив, почему бы тебе не вылепить для меня копию «Похищения Прозерпины»?

Ив покачал головой.

– Я этим не занимаюсь. В Риме и Флоренции полно мастерских, где делают такие копии. Закажи.

– Это будет работа мастерового. А я хочу произведение мастера.

– Мастера не делают копий, Клаудия. Разве что с собственных работ. Ну как, выбрала?

– Не могу!

Ну вот, испугалась Дора, теперь она передумала, покупать не будет и ни на какой Лазурный берег они не поедут, но Клаудия сказала решительно:

– Я возьму обе. Заплачу прямо сейчас. Дай мне номер твоего счета.

Она вытащила из сумочки компьютер, Ив положил перед ней свою карточку, и на пару минут воцарилось молчание.

– Все. Но ты поедешь с нами, да? Теперь ведь их будет две, надо, чтобы они хорошо смотрелись, я не уверена, что смогу все сделать как следует, место, освещение, подставки. Так как?

– Поеду, если найдется место и для Доры. Мы хотим провести в Ницце несколько дней.

– Конечно, найдется! Так и так возьмем большую машину, скульптуры ведь тоже надо разместить. Кстати, вы можете остановиться у нас, на вилле полно свободных комнат.

– Я уже договорился с другом.

– Всегда ведь можно переиграть. Подумай.

Она встала, не дожидаясь ответа.

Когда Ив закрыл за гостями дверь, Дора возмущенно выпалила:

– Эта кошка хочет затащить тебя в постель!

Ив рассмеялся.

– Никак ты ревнуешь, Дорри?

– Я?!

Дора озадаченно замолчала.

– Она ведет себя так, словно знает тебя сто лет.

– Сто не сто, но мы с ней знакомы довольно давно. Она из первых моих поклонниц, я имею в виду, естественно, не себя лично, а свои работы. Тут, в Париже, у нее тоже стоят две.

– А по-моему, – сказала Дора сердито, – она не делает большой разницы между тобой и твоими работами. Надеюсь, мы не будем жить на этой вилле?

– Разумеется, нет. Конечно, там наверняка совсем другие условия, роскошь, простор, горничная и даже кухарка. Но моя независимость мне дороже... Ладно, надевай свое красивое платье. Поедем спрашивать тебе отпуск, сладкая девочка.

– Он просто дурак! – вспыхнула Дора.

– Совсем нет, – усмехнулся Ив. – По крайней мере, в данном случае.

Дора сидела на галечном пляже Ниццы, упиваясь видом бирюзовой глади залива Ангелов. Видом и непривычной тишиной, которую нарушал или, скорее, подчеркивал, лишь мерный плеск низеньких волн, просто невероятно, такого она не помнила, везде ведь играет музыка, наверно, что-то вышло из строя, сгорели динамики или провода, и она услышала море. Ей вдруг вспомнилось, как в былые времена семейного отдыха папа поздно вечером, когда она уже лежала в постели, уходил, сказав, что хочет послушать море, а она никак не могла понять, что он имеет в виду. Солнце стояло уже высоко, и она машинально прикрыла спину собственными волосами, хотя Ив и купил ей защитный крем, «ты такая беленькая, сразу обгоришь», у нее и вправду была очень светлая кожа, даже как-то неловко, белое тело среди множества загорелых кажется голым, однако волновалась она зря, народу на пляже оказалось не так уж и много, гораздо меньше, чем пять лет назад, когда она приезжала в Ниццу с родителями, люди беднеют все быстрее, да и сезон еще не в самом разгаре, и совсем близко от нее почти никто не сидел... Купил он и резиновую шапочку, у Доры возникла идея постричься, не совсем, просто укоротить волосы, но Ив воспротивился решительно, хотя святую Агнессу он закончил, но ее гриву воспринимал, кажется, как свою неотчуждаемую собственность... кто знает, возможно, она его интересуется больше как модель, нежели как женщина... либо у нее порочное представление о мужчинах, она так боялась, как это у них получится в первый раз, нет, ее тянуло к нему, хотелось, чтобы обнимал, прижимал к себе, целовал, гладил, однако вспоминая, какими

грубыми эгоистами становятся потом мужчины, она начинала бояться, но он был такой нежный и ласковый, и она наконец почувствовала, что близость с мужчиной может быть приятна, а он не то чтобы не испытывал пылкой страсти, а просто понимал, что она ничего не умеет... Что странного, она не умеет ничего, совсем ничего, даже плавать! Столько раз ездила на Лазурный берег, а толку никакого, ей было даже неудобно входить в море, будешь еще трепыхаться на мелководье, как брошенная в пруд курица... Но тут Ив подплыл к берегу и поманил ее рукой, она надела шапочку и, балансируя на камешках, пошла к нему.

– Сейчас я дам тебе урок плавания, – сказал он весело. – Для начала тебе надо научиться лежать на спине.

В свое временное жилище они вернулись к часу, чтобы туда добраться, следовало отойти от моря метров на триста-четыре, до берега не очень близко, но сам дом был уютным, трехэтажный особнячок на тихой улочке, мансарда, где располагалась студия, оказалась просторной, собственно, это была, скорее, веранда со сплошными окнами, затянутыми занавесями из грубой ткани, встретившая их вчера там двоюродная сестра Марселя, того самого друга, отдернула их на теневой стороне, оставив закрытыми на солнечной, и в помещении сохранилась относительная прохлада. Вдоль стен стояли повернутые к комнате обратной стороной картины, а в середине пустой мольберт. Двоюродная сестра оказалась маленькой живой темноглазой итальянкой, говорившей без умолку.

– Если будете смотреть картины, потом поставьте опять лицом к стене, чтобы краски на солнце не выцвели... Но что я тебя учу, – спохватилась она, обращаясь к Иву, – ты лучше меня знаешь... Я тут прибрала немного, пыли набилось в щели, Марчелло-то уже три недели в отъезде... Мы с материнской стороны его Марчелло зовем, – это уже Доре, – а с отцовской они его Марселем кличут, он на оба откликается, и все довольны... Я вам хлеб принесла, кофе немного, в холодильнике еще масло, сыр и молоко, на первый раз, а там смотрите сами, кухарничать, наверно, тут будете, вряд ли на рестораны заработал...

– На неделю-две, может, и заработал, – засмеялся Ив, – но жить и дальше надо.

– Это верно. Марчелло у нас тоже бережливый, вообще художники теперь не как в книгах или кино, не пьют, не курят, по кабакам не ходят... Миссия! Это Марчелло, миссия, говорит, у меня, искусство спасать надо... Ну тут все есть, и посуда, немного, правда, но, думаю, обойдетесь, и плита, холодильник, если чего-то еще понадобится, позвони, я принесу...

Кухонный уголок был вполне экипирован, не так основательно, как у Ива, но достаточно, почти такая же ванная, обе студии имели много общего, единственная разница – отдельной спальни не оказалось, в углу стоял большой раскладной диван, на который рачительная Мариэлла, как ее звали, уже выложила стопку чистого постельного белья.

Как только они остались одни, Ив стал сразу поворачивать к себе картины и рассматривать.

– Неплохо, – констатировал он через некоторое время. – Я не видел работ Марселя уже несколько лет. Я его знаю еще по Парижу, он там болтался годик или два, малевал что-то среднее между Модильяни и ранним Дельво, а потом задумался, вспомнил о своих итальянских корнях, мать у него итальянка, как ты, наверно, уже поняла, отправился в Италию, и вот... Ладно, выпьем по чашке кофе, а то скоро за нами приедут. Посмотрим, намного ли лучше нам было бы на пресловутой вилле Клаудии. На самом деле, вряд ли она такая уж роскошная, папа у нее все-таки не миллиардером был, а всего лишь миллионером, правда, строилась или покупалась она, кажется, четверть века назад, когда деньги еще не совсем превратились в макулатуру, как теперь...

Вилла действительно была небольшая, к тому же не в самом городе, а за его пределами, но на холме и с видом на море, не с первого этажа, правда, со второго, и все же... Построена она была, как объяснил Ив, в духе римской архитектуры, в центре – окруженный галереей

атриум с фонтаном посередине и крошечным партером; в галерее стояли легкие столики и стулья, а вокруг виднелись входы в помещения, приподнятые на три ступеньки. У фонтана Ив задержался, задумчиво разглядывая каменное полушарие, из которого били во все стороны тонкие струйки.

– Не нравится? – спросила Клаудия, которая встретила их у входа и провела в атриум, пока доставивший гостей Пьер ставил машину в гараж.

– Нет, отчего же? Просто я думал... Сюда подошла бы небольшая фигурка вроде «Амурчика» Вероккьо...

– Мастера не делают копий, но сооружают фонтаны?

– Конечно. Вспомни Навону, например... Мне всегда хотелось попробовать...

Клаудия захлопала в ладоши.

– Ив, это было бы чудесно!

За домом располагался небольшой бассейн, отделенный от ограды узенькой лужайкой и двумя рядами деревьев, на зеленой траве выделялись раскатившиеся во все стороны яркие пестрые мячики.

– Здесь развлекаются мои сорванцы, – сообщила Клаудия с некоторой гордостью.

– У вас двое детей? – удивилась Дора.

– Близнецы. Проводят тут все лето.

– С няней?

– Няню они переросли. С гувернером.

Наверно, Дора смотрела недоумевающе, о гувернантках она знала, но чтобы гувернер... Клаудия снисходительно пояснила:

– Теперь это просто. Столько мужчин с образованием без работы! И с прислугой становится все легче, полвека назад это была почти неразрешимая проблема, а сейчас...

Пока Ив с Клаудией ходили по вилле, выбирая место для скульптур, Дора сидела на балконе верхнего этажа, глядя на постепенно сереющее море, Пьер не появлялся, и никто не выводил ее из состояния блаженной расслабленности, даже мысли, она лениво думала, что не все так однозначно, Клаудия, которая ей позавчера очень не понравилась, оказывается, действительно любит искусство, к тому же она мать, и детей растит и даже ими гордится как будто... Но на Ива пусть лучше не посягает, не то... Дора вдруг с удивлением поняла, что вычитанные или услышанные клише типа «выцарапаю глаза» обретают для нее некий грозный смысл. Неужели она и вправду ревнует? В этом свободном мире, где с кем-то переспать все равно, что в кино сходить или мороженое съесть... с мороженым даже сложнее, оно денег стоит...

– Дорри, – позвал ее снизу Ив, – спускайся, будем ужинать.

Дора спустилась, стол в небольшом зале был накрыт, гостям представили «сорванцов», выглядевших вполне воспитанными семилетних мальчиков, которых тут же отослали спать, кухарка в доме действительно была, и даже не кухарка, а повар, Ив не угадал, подали на редкость вкусный буйабес, Дора такого никогда не ела, обедали впятером, с гувернером, симпатичным молодым человеком по имени Хосе Манюэль, который сразу же завел разговор о Ренессансе, подхваченный Клаудией, не случайно, наверно, отыскала именно этого парня, и Ивом, конечно, словом, вечер прошел хорошо, только остаться на ночь Ив отказался, и их довез до дому тот же гувернер, подвыпивший Пьер за руль садиться не стал. Пил, в сущности, он один, ни Ив, ни Клаудия особенно компанию не поддерживали, не говоря о самой Доре, а уж гувернер к вину вовсе не притронулся, считал это, видимо, неприличным для воспитателя, лишь хозяин все наливал и наливал себе.

– Почему он, собственно, работает? – спросила Дора, когда они поднялись в свое пристанище. – По-моему, ему совсем не хочется этого делать, а денег у них полно, сидел бы себе.

– Не та категория, – отозвался Ив.

– То есть?

Ив засмеялся.

– Я делю для себя людей по категориям, в этом отношении, конечно. Есть бездельники бедные и богатые. Первых еще несколько десятков лет назад почти не было, им приходилось работать, чтобы есть. Теперь этого не надо, и бездельник, так сказать, по призванию, может таким и оставаться, правда, жить в относительной бедности, но... Есть, конечно, и категория бедных вынужденных бездельников, которые хотят работать, но неконкурентоспособны на рынке труда, среди них немало более или менее образованных людей, ведь добыть средства на учебу проще, чем найти работу, некоторые, правда, находят, как, например, Хосе Манюэль, и постепенно выбиваются в нижний слой среднего класса... очень, кстати, отощавшего за последние двадцать-тридцать лет. Ну а соответствующие категории среди богатых – это бездельники по призванию, проживающие наследство или семейные доходы, очень мало вынужденных бездельников, поскольку они могут работать хотя бы в своих собственных компаниях, есть трудоголики, просто не желающие сидеть без дела, как, к примеру, наша Клаудия, которая с невероятным усердием занимается благотворительностью, тратя свои и чужие деньги...

– И что же Пьер? – полюбопытствовала Дора.

– А вот Пьер из категории вынужденных работяг. Видишь ли, Клаудия готова оплачивать расходы на хозяйство, учить детей, кормить безработных, но она не хочет содержать мужа, считая это унижительным.

– По-моему, ты слишком хорошо знаешь эту Клаудию, – заметила Дора мрачно.

– Ох, Дорри, какой же ты еще ребенок! Разве я похож на альфонса?

Дора решительно замотала головой, тогда он стреп ее в объятия и прижал к себе крепко-крепко, как ей нравилось, и она подумала, что категории счастливых и несчастных тоже существуют, и переход из одной в другую вряд ли легче, но совершается куда быстрее.

Началось все на шестой или седьмой день. Вечер они собирались провести на вилле, совместив полезное с приятным, то есть размещение скульптур с ужином, заказанные подставки должны были доставить к шести, так что торопиться особых резонов Ив как будто не имел, но это Доре только казалось, после недолгой прогулки по Старому городу он бросил взгляд на часы и повел ее прямо к дому, она вопросов не задавала, по большому счету ей было почти что все равно, где и когда находиться, ее радостного настроения это не задевало.

Войдя в студию, Ив сразу включил монитор и расположился перед ним поудобнее, надолго, стало быть. На экране замелькали кучки людей с флагами и плакатами, пикеты, наверно, потом фойе, коридоры, амфитеатр, лица...

– Европарламент? – спросила Дора, расчесывая еще не вполне просохшие, шапочка, как все они, пропускала, волосы.

Ив кивнул.

– И что там?

– Будут рассматривать закон о запрете вывода производств за пределы Европы. В очередной раз.

Дора положила расческу и села.

– Если бы такой закон приняли пять лет назад, – сказала она задумчиво, без прежнего запала и надрыва, – папа не остался бы без работы и...

– Не переживай. Я ведь сказал, в очередной раз. Его провалят так же, как и в прошлый, и как провалили бы пять лет назад.

– Почему?

– Потому что транснациональные компании никогда не позволят ограничить движение капиталов, иными словами, свои прибыли.

– Но не могут же они приказывать депутатам!

– Но могут их купить. И приказывать могут, тем, кого уже купили.

Он не нашел ничего лучшего, чем процитировать фразу, давно ставшую общим местом, «миром правят транснациональные компании», и пока Дора сосредоточенно ее обдумывала, девочка, кажется, никогда не интересовалась общественной жизнью, даже общих мест не знала, попытался представить себе, что же будет с этим миром дальше, миром не миром, его занимала Европа, которая была его домом и его судьбой... Европа давно не производила практически ничего, исчезла тяжелая промышленность, легкая, высокотехнологическая, если что-то и сохранилось, то автоматизированное до упора, где нужды в рабочих руках практически не было, компании затыкали европейцам рты, платя налоги, которые шли на содержание все растущей массы безработных, безропотно или с ропотом, но беспомощно взиравших на отток рабочих мест за моря-океаны. Вначале на арену выступил Китай со своей неисчерпаемой дешевой – до поры, до времени, рабочей силой, пару десятков лет назад он был средоточием планетной промышленности, выливающим в мир гигантские потоки третьесортных вещей, что они третьего сорта, впрочем, почти никто не знал, стало не с чем сравнивать, западное качество сгнуло, и люди беспрекословно покупали хлам за те же деньги. И естественно, вскоре оказалось, что китайцам уже незачем производить дешево, поскольку конкуренты приказали долго жить, товары Поднебесной начали дорожать, и компании пошли дальше, Бангладеш, Индонезия, африканские страны, еще полвека, и они доберутся до каких-нибудь бушменов и австралийских аборигенов, до тех, кто в самом хвосте научно-технического прогресса и готов работать задаром. Но и это ненадолго. А что дальше? А дальше вконец обнищавшие европейцы начнут работать за те же деньги, что и австралийские аборигены, примутся потихоньку отливать какие-нибудь простенькие детали и кроить немудрящую одежку. И постепенно все вернется? Вряд ли! Особых надежд на возрождение Европы он не питал, ибо Европа была осаждена. Азия и Африка, не в силах выйти за пределы порочного круга религиозных и иных догматов, порождали все новые миллионы лишних ртов, для которых не было ни работы, ни еды, и все эти люди прорывались в Европу, не помогали ни береговые заставы, ни пограничные кордоны, их было слишком много, они шли огромными толпами, плыли на гигантских флотилиях, а прорвавшиеся тут же начинали размахивать европейскими законами, требуя себе кусок общественного пирога. И все бы ничего, если б они не посягали на святое святых, на европейскую культуру, ибо что есть Европа, если не европейская культура. Нет, немалая часть пришельцев согласна была, так сказать, живя в Риме, блюсти римские законы, но существовала и другая, твердо намеренная переделать Европу под себя, с годами таких становилось все больше, поскольку непоправимо менялись пропорции, европейцев ждала незавидная судьба меньшинства на собственном континенте. Он снова вспомнил недавнюю атаку на музеи, это была не просто маленькая демонстрация силы, нет, объявление войны, и что с этим делать, было совершенно непонятно. И ведь это лишь одна сторона дела, с другой, Европа уничтожала себя сама, заменяя истинные ценности ложными, в том числе в области культуры. Поп-арт, электронная музыка, розовая слизь, вонючая грязь и порнография в качестве литературы и кинематографа... Разврат, деградация, распад... И все под лозунгом свободы. Свободы, которая из факела превратилась в дубинку. На самом деле, свобода – для хищников, для общественного животного, каким является человек, куда важнее самоограничение. Как в искусстве. Когда ты ваяешь женское тело, как оно есть, ты себя вроде бы ограничиваешь, можно ведь высечь из мрамора бревно или бутылку и написать под ним, что это женщина, вот тебе свободная творческая мысль, но искусства в этом нет и быть не может... И хорошо еще, что тебе не запрещают выкидывать все эти свободные творческие мысли на помойку, делай, что хочешь, только не смотри по сторонам и не мешай «творить» другим. Иди, Ив Легран, как какой-нибудь Кандид, возделывай свой сад, вокруг которого уже собрались люди с топорами...

Закон, естественно, провалили, еще более цинично и откровенно, чем он ожидал. Ну и что? Это, как всегда, сойдет им с рук, всем ведь на все наплевать. Но тут, как вскоре выяснилось, он ошибся.

Приехавший за ними Пьер был мрачен, сказал, что на Набережной беспокойно, собирается народ, ропот, возможны беспорядки. В сонном курортном городе? Поверить было трудно, хотя почему нет? Собственно говоря, в современном мире беспорядки давно уже сделались частью миропорядка, они вспыхивали регулярно, по поводу или без повода, движущей силой их была молодежь, а зачинщиками... этого обычно никто не знал и знать не хотел, общество пришло к молчаливому согласию, что, дабы котел не взлетел на воздух, время от времени следует выпускать пар, его и выпускали, громили магазины, жгли машины, ломали деревья и скамейки, потом подсчитывали убытки, выплачивали компенсации, взимали штрафы, самых рьяных ненадолго сажали, и все успокаивалось до следующего раза, следующей волны, которая обычно прокатывалась по всей Европе...

Когда они проезжали по Променаду, уже смеркалось, но народу было много, совсем не курортного вида и поведения, толпа тянулась в сторону аэропорта, длинная и довольно густая, она выглядела почти сплоченной, пришлось долго ехать мимо, пока они ее обогнали и вырвались в район особняков.

Ив провозился довольно долго, решение, принятое в прошлый раз, ему почему-то разонравилось, он снова прогулялся по помещениям, наконец остановился на столовой и малой гостиной, расположил подставки и водрузил на них скульптуры. К этому времени уже совсем стемнело, и они сели за стол при тусклом свете экономичных ламп. Шла неторопливая беседа о том, о сем, и вдруг Клаудия прервала разговор на полуслове, громко вскрикнув, и вскочила, тыча пальцем в сторону окна, напротив которого сидела. Все обернулись и тоже повскакали с мест: на соседнем холме поднималось к небу огромное зарево.

Далее на некоторое время все смешалось, у Доры в памяти возник маленький провал, когда она пришла в себе, вся их пятерка толпилась на балконе, откуда была видна вся округа, горели особняки, четыре, пять, может, и больше, зарево просматривалось и за дальними холмами, слышались крики, гудки, взывала полицейская сирена, множество темных фигур перемещалось по закрытым обычно наглухо частным территориям, толпилось на набережной, на перекрытой автостраде, и как будто народу все прибывало, и они подходили все ближе... Клаудия ломала руки, вопрошая, не разбудить ли детей и попробовать выбраться, Пьер, неожиданно продемонстрировавший редкое хладнокровие, ее урезонивал, убеждая, что проехать никак невозможно, надо выждать, «мои мальчики, их убьют», – рыдала Клаудия, и Дора вдруг почувствовала прилив симпатии к этой недавно еще неприятной ей женщине, вмешался Ив, он утверждал, что маленькие виллы не трогают, по крайней мере, пока, да и долго эта суматоха не продлится, владения «хозяев мира» отстоят, и вправду, полицейских со щитами и дубинками становилось все больше, сигналили пожарные машины, появились вертолеты, и потихоньку огни вокруг стали съезживаться и гаснуть... Потом оказалось, что они в гостиной, огромный, в полстены, экран светится, и на нем множатся картинки, похожие на здешнюю и непохожие... В Париже пылали офисы больших компаний, рушились стены, скукоживались и падали наземь неоновые вывески, Дора мстительно сжимала кулаки, она хотела, чтобы они горели и дальше, это была собственность убийц ее отца и матери, так она теперь понимала, но потом на экране появилось чье-то имение, настоящий дворец среди садов и фонтанов, там тоже все горело и рушилось, и ей стало по-настоящему страшно, когда крупным планом показали висевшее на фонаре мертвое тело... были и еще трупы, обгоревшие и целые, повешенные, зарезанные, у одного даже отрублена голова... «так скоро и гильотину выволокут на Конкорд», – пробормотал Пьер... и все это происходило не только в Париже, в Страсбурге толпа ворвалась в отель, где жили евродепутаты, и выкинула нескольких человек, голосовавших против закона, в окна верхних этажей, и опять-таки не только во Франции, нет, вовсе нет, волна беспорядков... или это надо было назвать уже бунтом?... катилась по Европе, круша и сметая горделивые здания корпораций, банков, дорогих магазинов... последнее, что запомнилось Доре, брезгливо зажимав-

ший нос репортер, «нечем дышать», – говорил он приподнято, даже радостно... вот у кого был праздник, у журналистов, им ведь чем выше гора трупов, тем жить веселей... «нечем дышать, вонь страшная, расколотили подчистую всякую сверхдорогую парфюмерию, под ногами, прислушайтесь, сплошной хруст от битых флаконов, тротуар полит духами стоимостью в десятки тысяч евро»... Потом был опять провал и голос Клаудии:

- Малышка-то заснула.
- Я не малышка, – буркнула она негодуя. – Мне двадцать один год.
- Мне тридцать два, – отозвалась Клаудия. – Ив, может, отнести ее в спальню?
- Не надо, я и тут посплю, – пробормотала Дора и отключилась.

К утру все окончательно стихло, по крайней мере, в Ницце, около шести Клаудия потеряла воспаленные глаза, размазав вокруг краску с век и ресниц и даже не заметив того, и предложила немного поспать. Ив с сомнением посмотрел на Дору, уснувшую пару часов назад, она лежала на боку, свернувшись калачиком и подложив под щеку сложенные вместе ладони, волосы были беспорядочно рассыпаны по пледу в синеголубую клетку, который принесла Клаудия и сама же накрыла «малышку», как неожиданно ласково выразилась. Будить ее было жалко, отнести на руках сложно, если бы еще спальни оказались на этом же этаже, но нет, пришлось бы подниматься по лестнице, подобный подвиг был ему не по силам, оставить ее здесь одну... по какой-то непонятной причине ему это претило, мешало странное чувство, что девочке грозит опасность... собственно, почему нет, такая это была ночь, в любой дом и в любую минуту могли ворваться незванные гости... В итоге он выбрал компромиссный вариант, попросил одеяло и подушку и устроился на соседнем диване, благо, их тут насчитывался добрый десяток, ни Клаудия, ни Пьер спорить не стали, то ли не было сил, то ли они и сами чего-то боялись.

В девять все поднялись, в мрачной тишине позавтракали, Ив объявил, что собирается к себе, и Хосе Манюэль вызвался их с Дорой отвезти.

На шоссе не было ни одного автомобиля, нигде ни души, повсюду запах гари и дымки над выгоревшими усадьбами, пострадали именно усадьбы, огромные, обычно безвкусные, помпезные сооружения, то ли дворцы, то ли замки, в прошлом, на данный момент обширные пожарища, закопченные остатки стен с торчащими вокруг обгорелыми стволами деревьев... Ив поймал себя на том, что ему жаль деревьев, но никак не построек, наоборот, некое тайное злорадство копошилось в темных закоулках души... он никогда не задумывался над тем, как относится к богачам, да, он всегда старался быть от них подальше, продавал им свои скульптуры, верно, но держал дистанцию... речь, разумеется, не о таких, как Клаудия, о настоящих богачах, держал дистанцию, но ненавидел ли их? Видимо, да. Как все. Богатых ненавидят все, так же, как, к примеру, американцев, люди всегда ненавидят тех, кто заставляет их плясать под свою дудку, будь то транснациональные компании или Соединенные Штаты Америки, ненавидят осознанно или инстинктивно... Конечно, европейцы ненавидят богатых не за то, что они богаты, их ненавидят за то, что они отняли работу у большинства жителей Европы, не со зла, нет, не из желания показать власть, покуражиться, поиздеваться, а для того, чтобы потуже набить себе карманы, равнодушные к тем, кого походя топчут, вызывает больше ненависти, чем осознанное унижение, а ведь, когда тебя кормят из милости... даже не из милости, а просто, чтобы не мешал, не лез со своими уже ненужными услугами... и ничего не хотят взамен, просто сиди и молчи, унижает, особенно тех, у кого есть руки и голова, поди не возненавидь... У него подобных оснований для ненависти не было, отнять работу у него не мог никто, то есть теоретически такая вероятность существовала, скульптор – не писатель, которому достаточно бумаги и ручки, ему нужны материалы подороже, но и те... пластик не мрамор и не бронза, да и его можно, в конце концов, заменить глиной... Почему тогда он ненавидел?.. Впрочем, это слишком сильно сказано, скорее, он их просто не любил, неприязнь имеет много градаций... Но все-таки. Не зависть ли им движет? Нет. Конечно, от какого-то твердого дохода,

чтобы не приходилось постоянно забивать себе голову заботой о хлебе насущном и спокойно работать, он бы не отказался, но большие деньги его никогда не привлекали, дворцы, яхты, личные самолеты никакого интереса у него не вызывали, он даже не мечтал собрать коллекцию картин, ибо считал несправедливым, более того, преступным уход шедевров в частные собрания, недоступные истинным любителям искусства. Создать фонд помощи художникам? Увы, большинство людей, считавших себя таковыми, на деле нельзя было подпускать к краскам и кистям на пушечный выстрел, если им и выплачивать стипендии, то лишь для того, чтобы они перестали позорить ремесло... Единственное, чего бы ему еще хотелось, это путешествовать, но разве для этого так уж необходимы миллиарды? Когда десять лет назад он объездил Италию, у него не было ничего, кроме все того же пособия, возили его бесплатно, на попутках, ночевал он во всяких доступных даже безработному местечках, теперь таких стало много, чем меньше туристов, тем больше дешевого ночлега... Даже если... он поглядел на задумчивую Дору... конечно, малышка с радостью слегка принарядилась бы и была бы счастлива жить в уютной квартирке, но он уже достаточно хорошо ее знал и не сомневался, что на самом деле она нуждается в тепле и любви, а не в миллиардах, ей, как и ему самому, никогда не понять, почему люди вкладывают себя в нескончаемый процесс умножения своих состояний... возможно, это оттого, что они способны к действию, но не созиданию, таков их вариант самореализации, и, следовательно, их надо пожалеть, а не ненавидеть или даже всего лишь недолюбливать? Но такое было уже выше его сил, все эти христианские штучки вроде любви к ближнему претили ему всегда... Может, дело в его натуре, он – человек не добрый, в действительности он относился неприязненно отнюдь не только к богатым, он не любил людей в принципе, это был его недостаток... недостаток или хуже, изъян души, иногда, особенно погрузившись в мизантропию, он начинал сам себя смущать, принимался искать в человеческой натуре привлекательные стороны, но находил их только в отдельных людях, а в массе они вызывали у него, в основном, снисходительное презрение... Конечно, он с детства отличался от других. Или это гордыня? Нет, отличался, в то время, как его сверстники играли в компьютерные игры, он бродил по Лувру, тогда еще были бесплатные билеты для школьников, и сейчас есть, но групповые, легче контролировать, а тогда были и индивидуальные, и он ходил, знал наизусть коллекции Лувра и Орсе, а вечерами листал и листал в плохоньком домашнем компьютере картины и скульптуры, другие дети заводили себе, смешно сказать, друзей в интернете, а его друзьями были великие художники, нет, конечно, он общался и с детьми, но живыми, а не виртуальными, с Монмартра, на котором вырос, он и теперь поддерживал с некоторыми из них отношения, хотя давно там не жил. И все-таки он не любил людей. Гордыня или изъян души. Грех, как сказала бы мать еще за год до смерти, она ходила в церковь всю свою сознательную жизнь и, только заболев, перестала, он помнил, как однажды, придя ее навестить, застал одну в палате, она, потрясая кулаком, лихорадочно говорила, обращаясь, видимо, к богу: «За что ты меня преследуешь, подонок, что я сделала дурного и кому, почему ты вверг меня в это жалкое состояние и даже смерть ниспослать не торопишься?!» Она была еще совсем молода, сорок восемь лет, и он вполне ее понимал, хотя сам был абсолютным атеистом, и если бы удосужился вообразить себе бога, то лишь как воплощение зла, ибо этот мир, такой, какой он есть, никак не мог быть создан доброй силой. Мир-тупик, из которого нет выхода. Ну, допустим, приняли бы этот несчастный закон, что из того? На некоторое время процесс замедлился бы, ну а автоматизация? Не расколотить же автоматику и вернуться на век-другой назад, было и такое на заре развития техники, бунты против станков, вернуться в прошлое и сидеть там безвылазно? Абсурд. Идти дальше? Это означает, что максимум через полвека будет автоматизировано все, что только можно, и человечество почти целиком останется без работы. Не без средств к существованию, не без жилья или куса хлеба, беда не в этом, беда в том, что человек не способен найти себе достойное занятие. Конечно, не все должны ваять, писать картины или книги, можно просто читать, любить искусство... вот они и любят, на свой манер, уже чуть ли не сто лет трясутся

на больших и малых площадках под невнятную вроде бы музыку, еще дольше смотрят плохое кино и ничего иного не ищут, никогда он этого не понимал, он не любил кино, движущаяся картина казалась ему нонсенсом, а уж смысл... лет десять-пятнадцать назад еще можно было где-то найти киноклассику и посмотреть, в ней смысл был, но теперь... понятно, техника ушла вперед, когда в кино появилось третье измерение, старые двухмерные фильмы стали выдавливаются не только из обихода, но и из памяти, так уж устроен человек, ему подавай внешний эффект, форму, и чем больше формы, тем меньше содержания, дрянные сценарии, фальшивые насквозь актеры, и опять-таки не с чем сравнивать... а ведь люди считают такое жизнью или, по крайней мере, ее подобием, и этой жизнью – вместо собственной, живут... пассивно в кино и чуть более активно в компьютерных играх... И так и будут до скончания века трястись, зевать перед экраном, ходить на футбол и играть в свои идиотские игры. И больше ничего. Если не будет еще хуже, а скорее всего, будет, главным действующим лицом в Европе станут мусульмане, и Европа провалится в средневековье. У человеческого существа нет будущего.

Тут они миновали особенно жуткое пепелище, на склоне холма, потому целиком открытое взору и, наверно, с человеческими жертвами, поскольку у ограды стояло в ряд несколько полицейских автомобилей, Дора придвинулась к нему и вложила свою ладонь в его, он машинально сжал неожиданно холодную в это теплое утро маленькую руку, и его мысли приняли другое направление. Босые ноги, рваный хитон, не изношенный, а разодранный злобными руками, распущенные волосы, отрешенный взгляд... Кассандра. Он закрыл глаза. Она шла, смотрела вдаль?... в никуда?... внутрь себя?... в небо?... А вокруг была пустота... нет, равнодушные... или?... Потом он опомнился, обнял Дору и притянул к себе, чтобы согреть.

Ив смотрел на Кассандру почти таким же невидящим взглядом, каким она озирала не понимавший ее мир... нет, отгораживалась от него, так точнее. Первоначальный замысел изменился, хотя он и тогда собирался ваять скульптурную группу, но не совсем такую, Кассандра, идущая в никуда, и вокруг, не просто вокруг, а внизу, не выше ее колен, сливающиеся в единую массу полулежащие, присевшие на корточки, стоящие на коленях люди, тянущиеся к ее подолу, так он думал там, в Ницце, и по дороге, в поезде, мысленно набрасывая эскиз за эскизом, но в окончательном варианте все... или главное?... изменилось, теперь они не окружали ее кольцом, не рвали одежду, нет, они отворачивались, затыкали уши, это было ближе к истине... Он перевел взгляд на Дору, та свернулась клубочком в уголке дивана, держала в руках книгу, но не читала, думала о чем-то. Удивительно! Ее роль изменилась, она не просто позировала, она перевоплощалась в Кассандру, ему не пришлось додумывать выражение лица, наклон плеч, шеи, отчаяние, надлом, все было натуральное, когда он рассказал ей о своей идее, она тут же нашла на книжной полке собрание греческих мифов, прочла, потом искала что-то в интернете, опять читала, и в итоге... Она была умненькой, в сущности, девочкой, жаль, что родители не настояли на ее переходе в специальный класс, не хотели, наверно, давить на единственного ребенка, и очень глупо, он был бы к этому готов, но не понадобилось, Дора, редкое для современного, испорченного видеорядом, человека пристрастие, любила читать и без всякого принуждения глотала книгу за книгой... А натурщицей она была прирожденной, как ему повезло, что в тот вечер он свернул, без всякой, кстати надобности, на улицу Эльдер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.